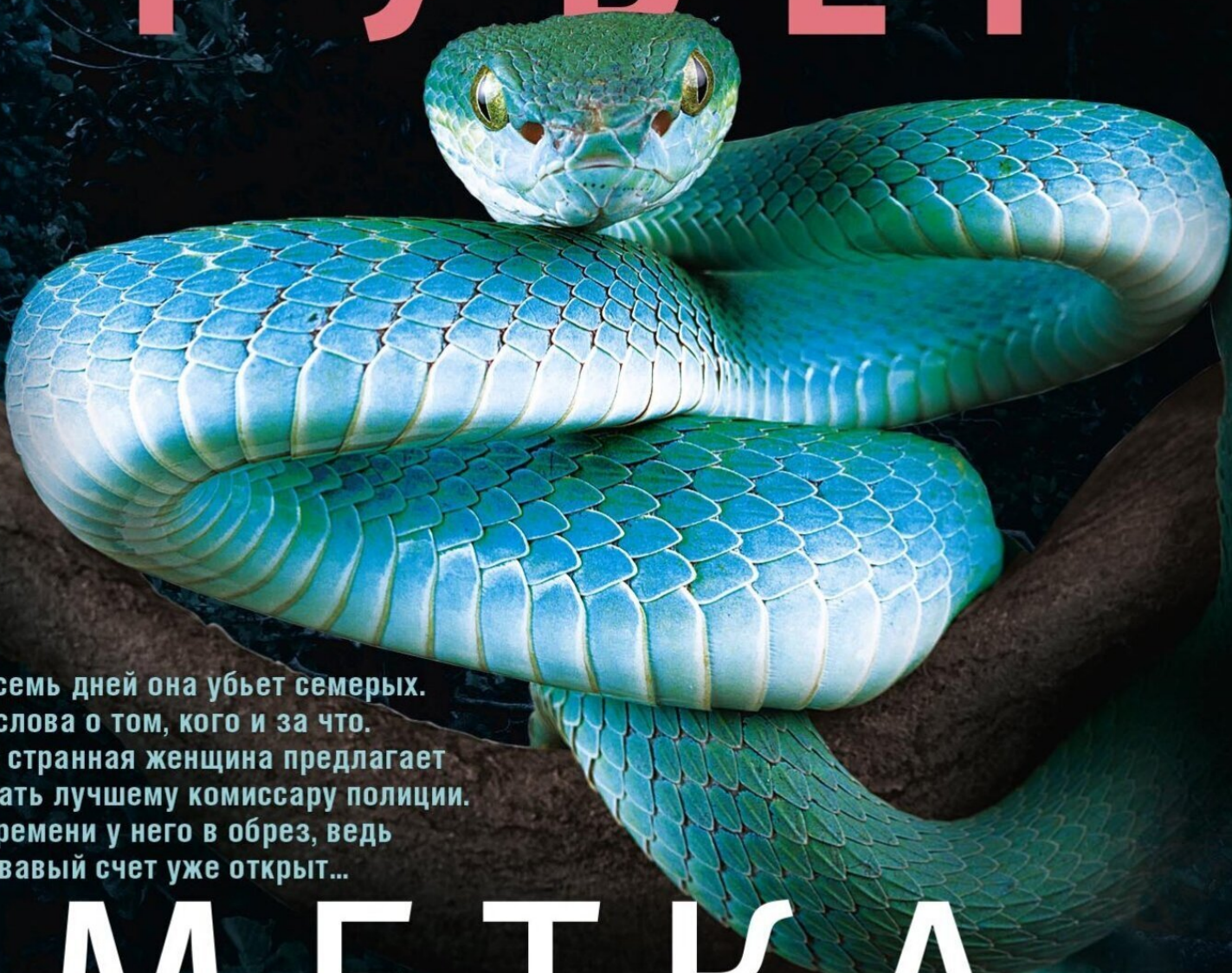

ШЕДЕВРЫ ДЕТЕКТИВА #1

АНДРЕАС ГРУБЕР

За семь дней она убьет семерых.
Ни слова о том, кого и за что.
Это странная женщина предлагает
узнать лучшему комиссару полиции.
И времени у него в обрез, ведь
кровавый счет уже открыт...

МЕТКА СМЕРТИ

Иностранный детектив

Андреас Грубер

Метка смерти

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.112.2
ББК 84(8Авс)

Грубер А.

Метка смерти / А. Грубер — «Центрполиграф»,
2019 — (Иностранный детектив)

ISBN 978-5-227-09934-1

Комиссар уголовной полиции Сабина Немез крайне удивлена, встретив в главном здании БКА в Висбадене женщину в монашеской одежде, которая заявляет о желании признаться в преступлении. И не кому-либо, а исключительно коллеге Сабины Мартену С. Снейдеру. Но после бурной дискуссии с новым руководителем БКА он уволился, поэтому заменить его приходится Сабине. От услышанного у нее перехватывает дыхание: безобидная на первый взгляд женщина заявляет, что в следующие семь дней совершит семь убийств – о мотиве и способе она хранит молчание. Пожилую монахиню задерживают, а в БКА начинается суматоха — особенно после того, как Сабине, несмотря на все усилия, не удастся предотвратить первое убийство. Очень скоро становится ясно, что за всем этим скрывается исключительно изощренный план, который заинтриговывает и Снейдера. Он возвращается в БКА и вместе с Сабиной ввязывается в игру монахини, не подозревая, в какие темные бездны вовлечет его в этот раз непредсказуемая соперница...

УДК 821.112.2
ББК 84(8Авс)

ISBN 978-5-227-09934-1

© Грубер А., 2019
© Центрполиграф, 2019

Содержание

Андреас Грубер	6
Пролог	7
День первый	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	16
Глава 5	20
Глава 6	24
Глава 7	29
Глава 8	32
День второй	38
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	46
Глава 12	50
Глава 13	53
Глава 14	57
Глава 15	61
Глава 16	66
Глава 17	70
Глава 18	72
Глава 19	74
Глава 20	76
Глава 21	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Андреас Грубер Метка смерти

Copyright © 2019 by Wilhelm Goldmann Verlag, München, in der Verlagsgruppe
Random House GmbH

«Метка смерти»

© Перевод, «Центрполиграф», 2022

© Издание на русском языке, «Центрполиграф», 2022

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2022

* * *

*Для Трауде и Франца,
Вольфганга, Ули, Софи, Якоба и Терезы,
а также для Мартина, Катарины, Феликса и Беньямина*

Нет врага хуже, чем враг по рождению.
Поговорка

Пролог

– Помофите! – промычал мужчина с кляпом во рту. Несмотря на жару, в старом фабричном цехе было еще прохладно в эти утренние часы. Спина и руки мужчины покрылись мурашками.

Он балансировал на цыпочках на двух стоящих друг на друге пустых металлических баках, пытаясь избежать судорог в икрах. Рот его заполняла пропахшая машинным маслом скрученная тряпка, туго зафиксированная застегнутым на затылке кожаным ремешком. Руки были скованы над головой, а оба наручника крепились к подвесам трубы, протянутой под потолком.

Какого черта со мной это делают? Он – пожилой полуслепой мужчина, у которого от подагры ноют суставы, во рту шатаются почти все зубы, а в заднице кровоточит геморрой.

Зачем меня так мучить?

Проклятая сука!

Без сомнения, все это устроила женщина. Та самая, которая заманила его на эту заброшенную фабрику. Оглушила и усыпила хлороформом. Затем натянула ему поверх рубашки какой-то дурацкий свитер, втащила его на баки и приковала под красной полимерной трубой.

Почему именно старый скатавшийся свитер? В такую жару? У бабы точно не все в порядке с головой.

Он пришел в себя с мерзким вкусом во рту, повиснув всем весом на наручниках, которые, судя по ощущениям, едва не перерезали ему запястья. В полубытьи он еще уловил, как женщина откатила от него металлическую конструкцию. Баба должна быть чертовски сильной. Кроме нее, он никого не видел.

И все равно он пытался звать на помощь сквозь тряпку. Но кляп был забит так глубоко, что ему то и дело приходилось глотать все, что поднималось к горлу.

Бесполезно! Здесь тебя никто не услышит.

Окна были покрыты темными, уже потускневшими граффити, поэтому в помещение проникало мало дневного света. Он мог разглядеть ряд металлических баков, старый вилочный автопогрузчик, деревянные поддоны и несколько бочек. И еще широкие и узкие трубы, которые, многократно изгибаясь, проходили по всему цеху.

Сам он висел в центре цеха, где уровень пола заметно понижался – видимо, в прошлом здесь был своего рода сток. Теперь же собрался толстый слой пыли и грязи. На внешнем крае углубления еще можно было разглядеть желтую разметку для автопогрузчиков, а также свежие следы ног и волочения. Волочения *его тела!*

– Помофите! – попытался он еще раз.

– Не старайтесь.

Он замолчал. Его сердце бешено колотилось, и он прислушался. Черт, незнаком ли ему голос этой женщины? Мягкий и немного надтреснутый? Наверняка старуха за шестьдесят или уже под семьдесят. Может, бывшая возлюбленная, которая решила за что-то отомстить?

Или речь о том старом деле?

Но я к тем бабам даже не прикасался!

И как старуха затащила его сюда в одиночку?

– Фто эфо фнафит? – выдавил он.

Его руки и плечевые суставы ныли. Он посмотрел вверх, на железную штангу, к которой крепились наручники. *Какого черта она подвесила меня именно здесь?* Он накренился и едва не сорвался с баков. Тогда бы он повис как говяжья полутуша на крюке.

Он попытался успокоиться и опять уставился наверх. Приглядевшись, заметил, что полимерная труба толщиной с руку изгибалась вниз над его головой. Прямо над ним находилось отверстие.

Медленно его начала охватывать паника. Все это было не просто злой шуткой.

Шаги приблизились к нему сзади, и как он ни старался повернуть голову, все равно не сумел разглядеть, кто там стоял.

– Только один человек может тебя спасти, – произнесла женщина мягким голосом.

– Сфасфи? – подал он голос.

Шаги стали удаляться, гулкий стук башмаков разлетался по всему помещению.

– Да, Мартен Снейдер, – сказала женщина. – И на это у него меньше тринадцати часов.

Железная дверь с лязгом открылась и тяжело захлопнулась. Дважды щелкнул замок.

В тишине, которая воцарилась в старом фабричном цехе, он снова поднял глаза. Широкое отверстие трубы выглядело как черная пасть ада.

Кто такой, черт возьми, Мартен Снейдер?

День первый Висбаден, федеральная земля Гессен Пятница, 12 мая

Глава 1

Дирк ван Нистельрой стоял у окна в своем кабинете и сквозь жалюзи смотрел на внутренний дворик здания. Пока что май был чертовски жарким и душным. Не таким жарким, как в прошлом году, но лето уже отчетливо ощущалось, а вместе с ним и предстоящие грозы.

Почти год ван Нистельрой был президентом БКА Висбадена и прямым преемником Дитриха Хесса. Поэтому у него вообще-то была уйма дел. И как назло, именно сейчас Снейдер попросил уделить ему время для разговора.

Ван Нистельрой взглянул на часы. Без пяти восемь. Насколько он знал Снейдера, тот наверняка будет сверх-пунктуальным. И конечно, почти сразу же уйдет. Он еще никогда долго не выдерживал в его кабинете, и сегодня точно не будет по-другому, когда речь пойдет об условиях его восстановления в БКА. А их нужно прояснить, потому что Снейдер уже несколько месяцев как был на службе. Тут ван Нистельрой услышал стук двери и быстрые шаги в кабинете своей секретарши.

Он отошел от окна, подхватил пиджак со спинки рабочего кресла и быстро надел. В следующий момент дверь распахнулась.

Снейдер, как всегда в дизайнерском костюме, буркнул «*Goedemorgen*»¹, захлопнул за собой дверь и подошел к письменному столу, перед которым остановился.

Ван Нистельрой тоже остался стоять. Беседовать со Снейдером сидя было вряд ли возможно. Разговор с ним либо проходил в рекордное время и безо всякого смолтока, либо был таким эмоциональным, что клочья летели. Среднего не дано.

Ван Нистельрой ослабил узел галстука.

– Доброе.

– Ты обдумал мои требования?

– Да, и мой ответ: *нет*!

Брови Снейдера сошлись на переносице. Господи, его полированная лысина и лицо казались еще бледнее, чем обычно, а вместе с узкими черными бакенбардами, которые шли от висков к подбородку, представлялись кадром из какого-то контрастного драматического черно-белого фильма. Мужчина срочно нуждался в отпуске и отдыхе. Но ван Нистельрой знал – единственное, что могло вернуть лицу Снейдера здоровый цвет, были охота на убийц и преподавание молодым зеленым коллегам в Академии БКА. При любой иной деятельности он погибнет самым жалким образом.

– Нет? – повторил Снейдер. Его веко дернулось.

– Я обсудил твоё предложение с обоими вице-президентами, мы одного мнения.

– *Vervloekt*², это не было предложением, – пробурчал Снейдер.

Ван Нистельрой сделал глубокий вдох и выдох. Он был уже готов вышвырнуть Снейдера из своего кабинета, но ввиду их старой дружбы – хотя, дружбой это нельзя было назвать, скорее многолетним перемирием – решил сначала попробовать дипломатический путь. Кроме того, многие опытные коллеги со стажем были мертвы, почти год назад стерты с лица земли в течение

¹ Доброе утро (*нидерл.*).

² Проклятье (*нидерл.*).

нескольких дней, и он нуждался в Снейдере. Но не любой ценой, и уж точно не на условиях Снейдера. Работа в БКА не концерт по заявкам.

– Ты получишь свой прежний кабинет, – сказал Нистельрой и на пальцах перечислил следующие пункты: – Две комнаты. Твое массажное кресло уже стоит там, а твоя массажистка – как ее зовут, Акико? – снова может приходить. Сними детектор дыма и кури свои самокрутки с марихуаной, без которой ты, очевидно, не в состоянии работать, выкини все растения из кабинета, если они лишают тебя кислорода, необходимого для мыслительного процесса, и пей сколько угодно ванильного чая, пока весь этаж не будет пахнуть как тропический остров, но на этом мое терпение заканчивается.

– Насрать на массажное кресло и чай! – резко отреагировал Снейдер. – Не об этом речь.

– А о чем тогда?

– Нам нужна команда, которая...

– С каких пор *ты* работаешь в команде?

– Я не работаю *в* команде, мне *нужна* команда!

– С чего это вдруг? И кому эти люди должны подчиняться? Руководству БКА, как и все остальные пять тысяч сотрудников? Или они будут работать во вселенной Снейдера?

Снейдер смерил его взглядом, словно это он, президент, вдруг обкурился.

– Мартен, ты не можешь просто так игнорировать все существующие правила! – продолжил ван Нистельрой.

– *Verdomme!*³ – Снейдер уперся руками в стол и наклонился вперед. Тыльные стороны его ладоней были исколоты иглами, которые он во время приступа кластерной головной боли вводил в акупунктурные точки, пытаясь облегчить состояние. Очевидно, в последнее время эти приступы участились. – Ты отправляешь меня в мой кабинет, ежедневно заваливаешь новыми бюрократическими заданиями и думаешь, все в порядке?

– Такова жизнь. Правила придумал не я.

– Да, все время новые заявки, протоколы, сертификации и все более строгие положения о защите персональных данных – меня уже тошнит! – презрительно выкрикнул Снейдер и смахнул пачку бумаг со стола. – Из-за всех этих онлайн-формуляров, новых компьютерных программ и прочего офисного дерьма я больше из четырех стен не выбираюсь!

– Времена меняются. Так всегда было. Это *офисное дерьмо*, как ты его называешь, часть действующей демократии – а после событий прошлого года за нами следят пристальнее, чем когда бы то ни было. И мне очень жаль, если из-за этого ты чувствуешь себя ограниченным в твоей... – он нарисовал пальцами в воздухе кавычки, – *креативной свободе творчества*.

Глаза Снейдера сверкнули.

– Считаешь, что это смешно?

– Нет, не считаю! – повысил голос ван Нистельрой. – Но я не могу иначе.

– Пока преступники организуются все лучше, наши бюрократические барьеры становятся все выше. Взгляни на отчеты о последних операциях.

Ван Нистельрой кивком указал на экран монитора:

– Спасибо, у меня их десятки.

– Мы отставали, потому что нас тормозил регламент. Наши методы уже давно не оптимальны. Наемные убийцы, тягачи⁴, наркоторговцы, сутенеры, торговцы оружием работают все быстрее и изощреннее, в то время как наши операции становятся все медленнее. Мы даже не можем организовать прослушку офиса без вмешательства судей, прокуратуры и служебного надзора. Нам пора научиться бегать быстрее.

– И как ты себе это представляешь?

³ Черт возьми!»! (*нидерл.*)

⁴ Человек, ввозящий нелегальных мигрантов.

– Начнем с маленькой действенной команды, у которой будет возможность не считаться с запретами, чтобы реагировать быстрее.

– И эту команду соберешь ты?

– А кто еще?

– И ты будешь держать ее под контролем, чтобы проект не коллапсировал?

– И не сомневайся.

Ван Нистельрой помотал головой:

– Я не могу тебе этого разрешить.

– Почему?

– Господи, потому что это нелегально! – воскликнул ван Нистельрой. – Да кто утвердит такое? Даже у Службы внешней разведки, Военной контрразведки и Федерального ведомства по охране конституции нет такой свободы. Но великий Мартен Снейдер, разумеется, ее требует.

– Мартен С. Снейдер, – холодно уточнил его собеседник.

– Да плевать! – Ван Нистельрой вздохнул. – Мой ответ: *нет!* С волками вой по-волчьи или ищи другую работу. На мой взгляд, у тебя и так слишком много привилегий.

– Ты не оставляешь мне выбора.

Ван Нистельрой молчал. Он уставился на Снейдера и пытался понять, что происходит в его голове. *Он наверняка просто блефует.*

Снейдер сунул руку под пиджак, вытащил служебное оружие, «Глок-17», извлек магазин, вытряхнул патрон из ствола и с грохотом положил все это на стол ван Нистельрой.

– Как насчет повышения до *первого* главного комиссара уголовной полиции? – предложил ван Нистельрой, не взглянув на пистолет.

Снейдер сморщил лоб, будто ослышался.

– Ты отлично знаешь, что мне плевать на дополнительные пятьсот евро или два ранга, личный автомобиль или несколько дней к отпуску. – Он положил на стол служебный телефон, за которым последовали связка ключей, электронная карта доступа, магнитный ключ от его кабинета и заламинированное удостоверение БКА с интегрированным чипом.

– Значит, ты не шутишь? – спросил ван Нистельрой.

Снейдер молчал.

– И чем же ты собираешься заниматься?

– У нас достаточно людей и организаций, которые наймут меня, – ответил Снейдер. – Мое массажное кресло можешь оставить себе. Считай, что это подарок. Так как ты больше заботаешься о регламентах и бумажках, чем о том, чтобы поймать преступников и предотвратить убийства, то наверняка найдешь пару часов, чтобы расслабиться.

Это не может быть всерьез, старик!

Снейдер застыл на мгновение.

Ну вот, пожалуйста, – подумал ван Нистельрой. Он уже хотел улыбнуться.

Но тут Снейдер молча развернулся и покинул кабинет.

Глава 2

Сабина Немез прошагала через дверь-вертушку в фойе здания БКА, кивнула Фальконе, вахтеру, и прошла через сканер тела. Ее служебное оружие лежало в шкафчике, поэтому металлодетектор среагировал только на связку ключей и монеты в карманах брюк.

На настенном мониторе над ней крутили информационно-рекламный ролик. *«Мы вносим достойный вклад в поддержание внутренней безопасности»*. Рядом висели камера и табличка: *«Эта зона находится под видеонаблюдением»*. Фойе выглядело так же душевно, как зона досмотра пассажиров в аэропорту, куда только что поступило предупреждение о планируемом теракте.

Хотя Сабину здесь все знали, она показала свое удостоверение. Она не могла вещать молодым комиссарам-стажерам в академии о регламенте и потом сама же его нарушать. Занятия ее модуля начнутся полдевятого, но ей еще нужно было заскочить в свой кабинет, чтобы взять документацию. После занятий у нее оставалось немного времени на давно просроченную бумажную писанину. Без нового уголовного дела пока что было спокойно, но стресс и суматоха не за горами, на этот счет она не питала иллюзий.

Ожидая лифт, Сабина услышала громкие голоса на входе и взглянула в сторону сканера. Несколько коллег из внутренней службы безопасности стояли с автоматами у контрольно-пусковой системы и громко разговаривали. Звучал приглушенный смех. Вскоре она поняла причину.

Да это шутка какая-то!

Женщина в черной монашеской одежде только что прошла через систему персонального досмотра. На монахине было длинное, в пол, платье с широкими рукавами и белым воротником, туфли на плоской подошве и черное головное покрывало, ниспадающее на плечи. Лицо пока находилось в тени от потолочного светильника, но женщина в сопровождении двух сотрудников БКА уже направлялась в сторону лифтов к Сабине. На плоской груди худой высокой монахини висел тяжелый серебряный крест на цепочке, к поясу крепились четки.

Двери кабины, звякнув, открылись, но Сабина осталась стоять перед лифтом и наблюдала за женщиной. Такие посетители приходили сюда не каждый день. Наконец Сабине удалось бросить взгляд под головной убор монахини. Это оказалась пожилая женщина, лет шестидесяти пяти или даже старше. Несмотря на суровое сухощавое лицо, изрезанное морщинами, взгляд ее был добрым и мягким.

Двери лифта закрылись, и кабина уехала без Сабины.

– Я пройду здесь в комнату для приемов? – спросила монахиня сопровождающих. Ее голос звучал с легким австрийским акцентом. Она повторила вопрос, но оба мужчины молчали. Люди из внутренней службы безопасности не отличались разговорчивостью, к тому же обычно у них были дела поважнее, чем сопровождать какую-то монахиню на встречу.

– А к кому вы хотите попасть? – решила помочь Сабина. Здание БКА такое огромное, что и с Божьей помощью в нем можно блуждать несколько дней.

– К... – монахиня опустила взгляд и посмотрела на пожелтевшую и сильно помятую визитку, – комиссару уголовной полиции Мартену Снейдеру. – От женщины исходил нежный аромат мятного масла.

– Мартену С. Снейдеру, – поправила Сабина женщину. – Он уже главный комиссар уголовной полиции, но это можно опустить. Снейдеру все равно. Только не забудьте в его присутствии про С.

Оба мужчины переглянулись, но и бровью не повели.

– Ему это важно? – спросила женщина.

– Да, – вздохнула Сабина. Скоро монахиня сама это выяснит, и Сабина ей не завидовала. Она знала, что Снейдер был убежденным атеистом и в общении со священниками и монашками имел опыта не больше, чем папа с миссионерской позой.

Тут открылась дверь лестничной клетки, оттуда, сопя, вышел мужчина в темном дизайнерском костюме и широким шагом направился в сторону выхода. *Снейдер!*

Сабина указала на него.

– Между прочим, это он. – Она заметила, что монахиня с интересом разглядывает Снейдера, а в ее серых глазах появился странный блеск.

– Похоже, он в плохом расположении духа, – заметила монахиня.

– В хорошем не бывает. – Сабина невольно поморщилась. Одна лишь мысль о Снейдере в хорошем настроении раздражала.

Тут Снейдер поравнялся с ними.

– С каких это пор вы ходите по лестнице? – спросила Сабина.

Снейдер ненадолго остановился.

– Я надеюсь, вы не собираетесь навязать мне разговор, Немез. Я не расположен к пустой болтовне.

А когда такое вообще было?

Сабина кивком указала на монахиню:

– Эта дама хотела бы с вами поговорить.

Взгляд Снейдера скользнул по черному монашескому одеянию. *Немез, позвоните в зоопарк, мы нашли сбежавшего пингвина*, – казалось, говорил его взгляд.

– Слишком поздно, с этого момента я больше не на службе.

Сабина удивленно подняла брови.

– Неужели собрались в отпуск? У вас, наверное, недель пятьдесят или...

– Немез! Больше никогда не пытайтесь шутить в моем присутствии, – перебил ее Снейдер. Затем посмотрел на монахиню: – Обратитесь к кому-нибудь другому. Я уволился. – Без дальнейших комментариев он подошел к турникету, миновал его и покинул здание.

Сабина с открытым ртом смотрела ему вслед. *Уволился? Снейдер?* После всего дерьма, которое они вместе пережили в прошлом году, и после того, как Снейдер вернулся на старую работу, пропустив отстранение от должности?

Слова монахини вернули ее в реальность.

– Э... что? – переспросила Сабина.

– Я сказала, что он скоро вернется.

Сабина с сожалением посмотрела на монахиню.

– Если он принял решение, то не изменит его.

– Я совершенно уверена, что вы ошибаетесь.

– Вряд ли.

Монахиня улыбнулась.

– Поверьте мне.

Глава 3

Сабина непринужденно сидела на своем столе-кафедре в лекционном зале академии и болтала ногой. Рукава блузки она закатала до локтей, а длинным каштановым волосам позволила свободно падать ей на плечи.

– Во время моего последнего дела, которое мы с коллегой смогли закрыть несколько дней назад, нам пришлось съездить в Берлин.

– Ваша коллега Тина Мартинелли?

Сабина кивнула. Она заметила, как студенты подались вперед, перегнувшись через ноут-буки, и следили за ее губами. Она приучила себя начинать каждое занятие с забавного эпизода. Для разогрева. А так как комиссары-стажеры все равно подписывали соглашение о конфиденциальности и неразглашении информации, могла без колебаний говорить о текущих реальных делах. Так сказать, делиться личным опытом.

А вот метод Снейдера заключался в том, чтобы регулярно унижать студентов. С первой минуты. Все равно до конца дойдут только тридцать процентов, а по его мнению, оскорбления помогали лучше отсеивать *материал*. Сабина и Тина испытали это несколько лет назад на собственной шкуре – и да, все верно, его метод подготовил их к практике и, возможно, даже помог справиться с какими-то смертельно опасными ситуациями. Но Сабина хотела сформировать молодых коллег собственного принципа, который гласил: поддерживать коллегиальность и быть примером!

– Итак, мужчина был частный детектив и держал контору на Курфюрстендамм. Элитный район, богатая клиентура. Его подозревали в похищении, изнасиловании, а возможно, и убийстве молодой женщины. В берлинской квартире мы его не застали, поэтому попытались счастья в его детективном агентстве. Но, приехав на Курфюрстендамм, обнаружили там один только почтовый ящик.

Студенты еще сильнее наклонились вперед.

– Адрес его детективного агентства был всего лишь почтовым адресом. Как мы выяснили позже, он его намеренно выбрал, чтобы произвести впечатление на клиентов и, прежде всего, на собственных родителей, которые никогда не ценили его работу. А его реальная контора находилась в скверном районе на окраине Берлина. Будь у нас быстрый и простой доступ к земельно-кадастровой книге, договорам аренды и данным счетов, мы бы быстрее оказались в его конторе с ордером на обыск. Где и нашли улики, указывающие на похищенную женщину.

– И где она была?

– Улики привели нас в домик в Бранденбургском лесу. Там мы нашли женщину – к сожалению, опоздав на час.

В аудитории воцарилось молчание, пока один молодой человек наконец не задал вопрос:

– Почему этим случаем занималось БКА, а не берлинская уголовная полиция?

– Подозреваемый уже в течение нескольких месяцев убивал в Детмольде, Зулингене, Нидернхаузене, Дитценбахе, Швайг-Нюрнберге и у Брокена в Гарце. Все эти случаи были связаны. Завтра вы прочтете подробности в прессе. Я...

Звонок мобильного прервал ее. Сабина хотела было сбросить его, но увидела, что звонят из приемной Дирка ван Нистельроя.

Надеюсь, это не связано с увольнением Снейдера.

– Извините, – коротко сказала она и ответила на звонок.

Это был ван Нистельрой лично.

– Немез, немедленно в главное здание. Минус второй этаж, комната для допросов 2В.

– Но у меня занятие и...

– Вам показалось, что меня это интересует? Вы нужны нам здесь. Это срочно!

– А о чем речь? – спросила она, но ван Нистельрой уже положил трубку.

Спустя десять минут она покинула территорию академии, пересекла улицу и снова вошла в здание БКА. На втором подземном этаже не было окон и даже световых шахт, он освещался одними лишь люминесцентными лампами.

Войдя в смотровую комнаты для допросов 2В, Сабина наткнулась на группу людей: коллег, сотрудников внутренней службы безопасности и техников, которые в спешке настраивали приборы и пульт управления для звуко- и видеозаписи. И на Дирка ван Нистельроя.

Похоже, все и правда серьезно.

Ван Нистельрой тут же подозвал ее к себе.

– Вы дипломированный специалист по допросам и профайлингу, – коротко сказал он. – Я хочу, чтобы вы допросили одного человека.

– Я? – Вообще-то она работала в отделе по расследованию убийств, а специалистом по допросам был Снейдер. Хотя верно, он ведь сегодня утром уволился. – И о чем речь?

Свет потолочной лампы отражался в очках ван Нистельроя в тонкой стальной оправе, его угловатое обветренное лицо со следами постакне на щеках частично находилось в тени.

– Одна женщина добровольно явилась к нам и призналась в семи убийствах.

Семь убийств! Сабина пожала плечами.

– Ну тогда все и так ясно.

– Нет. – Ван Нистельрой отошел в сторону, техники, стоявшие вокруг, расселись по местам.

И Сабина смогла посмотреть через стеклянную стену, с другой стороны к которой крепилось зеркало-шпион.

Комната для допросов была ярко освещена, в центре стоял стол и два стула. На одном сидела уже знакомая Сабине монахиня в черном одеянии.

– Эта женщина призналась в семи убийствах? – вырвалось у Сабины. – Как ее зовут?

– Мы не знаем. Ее отпечатков пальцев нет в базе данных. Все, что нам пока известно: у нее шрамы на шее и кистях и баварский акцент.

– Австрийский, – поправила Сабина. – Я говорила с ней сегодня утром. – Уроженка Мюнхена, она умела различать диалекты.

– Как угодно, – буркнул ван Нистельрой, – тогда у вас уже есть хорошая база для разговора. Выясните, в чем дело.

Сабина разглядывала монахиню, которая неподвижно сидела на стуле, положив руки на стол, и отрешенно смотрела в угол. *Хорошая база!* Помимо Снейдера в БКА работало еще несколько отличных специалистов по допросам. Почему ван Нистельрой выбрал именно ее? Не важно, она еще выяснит причину.

– Мы готовы! – сказал один из техников.

Ван Нистельрой требовательно взглянул на нее. Но когда Сабина уже хотела открыть дверь и войти в комнату для допросов, он ее задержал.

– Вам следует знать еще одну маленькую деталь...

Глава 4

Через несколько минут Сабина вошла в комнату и снова уловила нежный запах мятного масла. Она села на свободный стул, тоже положила руки на стол и наклонилась вперед.

– Хотите стакан воды?

Монахиня помотала головой.

– Чай? Может, чашку кофе? У нас хороший кофейный автомат. Для гостей кофе со вкусом лесного ореха либо миндаля. Или амаретто, шоколада, марципана?

Монахиня улыбнулась.

– Очень мило с вашей стороны, но нет, спасибо.

У женщины были длинные ресницы, узкий нос и полные красиво очерченные губы. Щеку украшала родинка. О цвете волос монахини можно было лишь догадываться, но Сабине показалось, что она разглядела белоснежную прядь под головным покрывалом. Последнее было закреплено обручем для волос, благодаря которому, очевидно, лучше держалось и напоминало чепец.

– У вас есть адвокат? – спросила Сабина.

– Нет.

– Вы нуждаетесь в его услугах? Мы могли бы...

– Не беспокойтесь.

– Хорошо. – *Так, это мы выяснили.* – Меня зовут Сабина Немез, – представилась она. – Я криминалист-аналитик и судебный психолог.

– Профайлер?

– Да, можно и так сказать. И работаю в отделе по расследованию убийств. Поэтому я здесь, – ответила Сабина. – Вы признались в семи убийствах?

– Нет, это неверно.

Сабина быстро взглянула на зеркальную стену, потом снова перевела глаза на монахиню.

Та постукивала пальцами по столешнице. Как и сказал ван Нистельрой, на тыльной стороне ладоней, у запястья, были видны уродливые шрамы. В верхней части шеи тоже проглядывали шрамы, полуприкрытые воротником монашеского платья. Как глубоко они уходили, можно было только догадываться.

– Я всего лишь призналась, что *буду* совершать по одному преступлению следующие семь дней! Умрут семь человек.

– По вашей вине?

Монахиня кивнула.

– Зачем вам это делать? – спросила Сабина.

– В общей сложности у вас есть семь дней, чтобы это выяснить, – ответила монахиня.

– И как вы собираетесь все устроить? Пока что вы застряли в этой комнате для допросов, а от лучшего возможного здесь предложения – ароматизированного кофе – только что отказались.

Монахиня молчала.

– Вы можете сообщить мне детали? – спросила Сабина. – Имена жертв, где они живут и причину вашего поступка?

– Этого я не могу вам сказать.

– В каком монашеском ордене вы состоите?

– Это вы сами должны выяснить.

– Как вас зовут?

– Тоже выясните сами.

Проклятье! Эта женщина издевалась над ней?

– Так мы с места не сдвинемся, – вздохнула Сабина.

– Именно. Вероятно, вас не проинформировали, на каких условиях я сдалась.

– Проинформировали, – ответила Сабина, но ван Нистельрой не дал ей возможности поговорить с коллегами и вникнуть в дело. – Не могли бы вы повторить ваши слова? – попросила она.

– Конечно, но это не *мое* драгоценное время утекает, а ваше. – Монахиня убрала руки со стола, скрыв их в широких рукавах платья, и откинулась на спинку стула.

Черт! Если Сабина правильно интерпретировала такую позу, то она только что потеряла связь с собеседницей.

– Итак, вы сказали, что хотели бы поговорить с криминалистом-аналитиком. Так вот, я...

– С главным комиссаром уголовной полиции Мартеном Снейдером, – перебила ее монахиня. – Только *он* узнает все, что я хочу рассказать.

– Хорошо, это мне уже известно, но почему именно Снейдер? – спросила Сабина.

– Больше я никому не доверяю, ни единой душе.

– Мне придется вас разочаровать, но, как вы уже сами слышали, он больше недоступен для подобного рода разговоров. Вам придется довольствоваться мной. Или другим сотрудником, – предложила Сабина.

– Не утруждайтесь напрасно. – Монахиня сделала глубокий вдох. – Как я уже сказала, буду говорить только с ним!

Сабина долго на нее смотрела, но женщина не отвела взгляда. Ее серые глаза блестели. В этом взгляде читалось большое милосердие, но и самоуверенность, которая росла с каждой секундой. Однако Сабина все равно выдержала этот взгляд. В итоге глаза отвела монахиня.

Вот почему ван Нистельрой потребовал именно ее для этой работы. Снейдер ее обучал, они работали вместе, и из всех коллег в БКА она знала его лучше других. Но очевидно, сейчас ей это не особо помогало.

Пришло время завершить разговор и покинуть комнату для допросов. Монахиня отказывалась говорить, но Сабина еще не хотела сдаваться.

– Вы сказали, что доверяете только Снейдеру? – повторила она.

Монахиня молчала.

– Все же меня это удивляет, – продолжила Сабина, – потому что час назад вы еще не знали, кто такой этот Снейдер. Вы не знали ни как он выглядит, ни про букву С его второго имени, и держали в руке его старую визитку.

Монахиня сжала губы.

– Если вы собираетесь совершить семь убийств, хотя задержаны и находитесь здесь, вам необходим как минимум один сообщник, который будет помогать. Так как *вы* не знакомы со Снейдером, я полагаю, что ваш сообщник его знает. Вероятно, вы получили визитку Снейдера от него. – Сабина задумалась, не переставая наблюдать за эмоциями на лице монахини. Она была на правильном пути, потому что на переносице монахини пролегла морщинка, а веко задергалось.

– Так как визитка старая и потрепанная, я полагаю, что ваш сообщник давно знает Снейдера. А раз вы сказали, что никому больше не доверяете, значит, ваш сообщник хорошо знаком с запутанными структурами БКА.

Монахиня плотнее сжала губы.

– Позвольте еще раз взглянуть на визитную карточку? – попросила Сабина. – Я хочу, чтобы ее проверили на наличие отпечатков пальцев.

Монахиня помотала головой.

Хорошо, – подумала Сабина. – *Это подтверждает мое предположение! Других отпечатков там все равно уже не обнаружить.*

– Вероятно, вы считаете себя очень умной, – сказала женщина.

– Вы не оставляете мне другого выбора, кроме как делать собственные выводы, – парировала Сабина. – Судя по вашему акценту, вы из Австрии, его легко перепутать с южнобаварским... из какого-то региона на границе с Германией. Может, Верхняя Австрия?

Монахиня молчала.

– Сколько у меня времени, чтобы предотвратить убийство? – спросила Сабина.

По-прежнему молчание.

– Раз вы хотите за неделю совершить семь убийств, я полагаю, что первое... – она взглянула на часы, – произойдет через неполные пятнадцать часов, то есть незадолго до полуночи, так как завтра по плану уже вторая жертва, верно? – Сабина прищурилась и задумалась. *Что еще?* – По опыту я знаю, что серийные убийцы, следуя инстинкту, обычно начинают в ближайшем окружении и лишь затем расширяют радиус своих преступлений. Поэтому я также полагаю, что из-за сегодняшней нехватки времени первое убийство случится в Висбадене или его окрестностях.

Уголок рта монахини дернулся. Во взгляде появился скепсис, словно она разгадала ход мыслей Сабины.

– Вас обучал Снейдер? – спросила она.

Сабина не ответила на вопрос, а подалась вперед.

– Значит, Висбаден, – заключила она. Это была лишь догадка, но реакция женщины подтвердила, что Сабина на правильном пути.

Внезапно женщина тоже наклонилась вперед над столом. Ее руки показались из рукавов, и она ухватила за столешницу с обеих сторон.

– Забудьте свои психопатички, – прошептала она. – Я ничего не скажу, можете выдвигать сколько угодно предположений. Я буду говорить только с Мартеном Снейдером.

Сабина разглядывала ее. За секунды она зафиксировала каждую деталь. Любой обрывок информации мог быть важен. Ногти монахини были грязные и обломанные. Возможно, навязчивый аромат мятного масла служил лишь одной цели – заглушить другой, предательский запах. Но какой? Сабина втянула воздух, но ничего не почувствовала.

Затем вместе со стулом подвинулась в сторону и принялась изучать наряд женщины. Подол платья лежал на полу. Даже мысков тифель не было видно, но на ткани собралась пыль и волокна – внизу и сбоку на бедре. И запылилась монахиня точно не во время визита в БКА. Здесь ежедневно убирались, отчего постоянно пахло чистящими средствами.

– Скажите мне хотя бы, откуда у вас шрамы на руках? – Сабина попыталась добыть еще одну подсказку.

Непроизвольно монахиня подняла рукав и посмотрела на свою кисть. Как будто хотела свериться с наручными часами. Но часов не было, только маленькая татуировка на левом запястье.

– Нет, не скажу. – Быстрым движением она снова опустила рукав.

Сабина пыталась скрыть удивление. *Монахиня с татуировкой?* Сабина разглядела черную розу с расцветшим бутонем и покрытым шипами стеблем.

Возможно, напротив нее сидела вовсе не настоящая монахиня, а просто пожилая женщина, которая взяла костюм напрокат. Хотя Сабине в это не верилось – женщина казалась аутентичной, как и ее одежда. В любом случае Сабина узнала достаточно. Она не хотела больше терять время, поднялась и направилась к двери.

– Это все? – спросила монахиня.

– Да. – Сабина постучала, взялась за ручку, дождалась щелчка и открыла дверь.

– Вы сдаетесь?

– Я выяснила достаточно.

– Что бы вы там ни выяснили, – крикнула монахиня ей вслед, – есть кое-что еще, что вы должны знать!

Сабина обернулась.

– Вы мне доверяете? – спросила монахиня.

– Как можно доверять тому, кто хочет совершить семь убийств?

Монахиня улыбнулась:

– Пройдите через главный вход!

* * *

После того как дверь закрылась и Сабина оказалась в смотровой, к ней подскочил ван Нистельрой.

– Вы спятили? Провоцировать эту женщину и обрывать разговор, когда мы, возможно, получили первую важную зацепку? Она не скажет больше ни слова.

– Может, эта таинственная подсказка с главным входом просто ложный след. – Сабина разглядывала монахиню через стеклянную стену. Женщина уставилась в зеркало. Наверняка она догадывалась, что за ней наблюдало несколько человек. – Я знаю достаточно.

– Отлично. – Ван Нистельрой поднял руку. – Если произойдет хоть одно убийство и станет известно, что мы могли его предотвратить, но не сумели толком допросить старую монахиню, нам конец!

Репутация БКА! Единственное, что его интересовало. А ей прежде всего было важно спасти человеческую жизнь.

– Мне нужны Тина Мартинелли и специальная группа.

– Вы получите все, что хотите, – фыркнул ван Нистельрой и повернулся к коллегам: – Отведите монашку в одиночную камеру.

Широкоплечий сотрудник внутренней службы безопасности поднялся и уже было направился к двери.

– Подождите! – остановила его Сабина. – Оставим ее в этой комнате. Никакого контакта с внешним миром и полное аудио- и видеонаблюдение.

Ван Нистельрой кивнул:

– Хорошо.

– У нас есть незрячие коллеги? – спросила Сабина.

– А это зачем? – Ван Нистельрой оглядел присутствующих.

Один из техников кивнул:

– В отделе криминалистической экспертизы работает слепая женщина, которая владеет шрифтом Брайля. А что?

– Отведите монахиню в отдел криминалистической экспертизы, чтобы еще раз взять отпечатки пальцев. Или придумайте какой-то другой повод. Но пусть ее отведет эта коллега. И при этом постарается держаться к ней как можно ближе.

– Зачем? – спросил ван Нистельрой.

– У слепых очень развиты остальные органы чувств. Монахиня пытается перебить мятным маслом какой-то запах, и я хотела бы знать, какой.

Глава 5

Через час, в одном из конференц-залов на первом этаже здания БКА, Сабина встретилась с коллегами из отделов криминалистической техники и экспертизы, архива данных и информационных технологий, которые вошли в состав специальной группы.

По ее предложению среди них была и Тина. Обе учились вместе и единственные из своего потока окончили курс Снейдера по криминальному анализу и судебной психологии, с тех пор работали вместе и за это время стали близкими подругами, хотя, на первый взгляд, у них было немного общего. У Тины, родом из Сицилии, были иссиня-черные волосы – с одной стороны головы длинные, с другой сбритые, – пирсинг в носу и вместо бровей перманентный татуаж в виде изогнутой линии. Кроме того, на шее у нее была набита довольно эксцентричная татуировка в виде скорпиона. Кто не знал Тину, мог решить, что она работает под прикрытием с наркоторасами. Но на самом деле в БКА она занималась случаями похищения людей.

– Мы ищем человека, которого, возможно, уже похитили и который с большой вероятностью будет убит в течение следующих четырнадцати часов в Висбадене или пригороде, – начала Сабина, после того как все расселись. – У нас нет ни данных о личности жертвы, ни информации, *как* или *где* это произойдет. Но мы знаем убийцу. Она сидит несколькими этажами ниже в комнате для допросов 2В.

По залу пробежал рокот, но Сабина пресекла все возникшие вопросы.

– Я прошу вашего терпения – вы сейчас все поймете. – С помощью пульта управления она затемнила жалюзи, включила видеопроектор и вывела на экран запись разговора с монахиней. В тот же миг наступила тишина.

Видео с разделенным экраном показывало одновременно съемки с трех разных точек. Изображение было четким, звук хорошим. Было видно каждую реакцию монахини и слышно каждый вздох и шорох в комнате.

Когда видео закончилось, Сабина открыла жалюзи, и в помещении снова стало светло. Все, кроме одной коллеги, были согласны, что речь идет о настоящей монахине, которая не просто блефовала, а действительно собиралась кого-то убить. Мимика, жесты, поведение и выбор лексики указывали на то, что заявление о семи предстоящих убийствах нужно воспринимать всерьез.

– Пока мы тут сидим, с монашкой беседуют психолог и специалист по допросам, – быстро пояснила Сабина, прежде чем коллеги успели атаковать ее вопросами. – Как только появятся новости, нам тут же сообщат, но пока она не сказала ни слова.

– У нас есть другие зацепки?

– Да, нам известно кое-что еще, – ответила Сабина. – Слепая сотрудница отвела монашку в отдел криминалистической экспертизы и за ароматом мятного масла уловила еще два запаха. Слабые следы хлороформа и лака или растворителя.

– Хлороформа? – переспросила Тина. – Он же улетучивается.

– Коллега прикасалась к рукам монахини, и, похоже его остатки сохранились под ногтями.

– О'кей, и ты теперь считаешь, что монашка усыпила свою жертву хлороформом? И возможно, удерживает ее... – Тина помахала рукой, – в лакокрасочном магазине?

– А может, на складе или лакокрасочной фабрике, – добавила Сабина. – Я заметила пыль и волокна на ее одежде, что может указывать на давно пустующее помещение.

Сабина воспользовалась пультом управления и вывела на экран лицо монахини крупным планом.

– С этим фото, – продолжила она, – нужно сравнить все записи с камер дорожного наблюдения, находящихся рядом с ангарами, подвалами, сараями или складами.

- Иголка в стоге сена, – пробурчал один коллега.
- Я знаю, – вздохнула Сабина. – Но в настоящий момент это одна из двух зацепок, которые мы можем проверить.
- За какой период должен быть видеоматериал? – спросила одна из женщин.
- Сабина пожала плечами.
- Какие будут предложения?
- Монашка на видео выглядит не слишком уставшей, – начала вслух размышлять Тина. – Полагаю, она не работала всю ночь напролет, а спала сладким сном.
- И что это означает? – спросила Сабина.
- Монашка похитила свою жертву либо сегодня утром, либо вчера вечером. Поэтому я бы начала со вчерашнего вечера, – предложила Тина.
- Хорошо, – приняла решение Сабина. – Проверим последние двадцать часов.
- А вторая зацепка? – напомнила коллега из отдела криминалистической техники.
- Если у нашей монашки действительно есть сообщник, то он, возможно, тоже из Верхней Австрии и достаточно хорошо знает Снейдера. Поэтому сначала проверьте все контакты, которые были у Снейдера за последние пятнадцать лет с Верхней Австрией.
- Все?
- Да, – проскрипела Сабина. – Друзья, коллеги, знакомые.
- Короткий получится список, – съязвил кто-то.
- Раздались смешки.
- Несмотря на напряжение, Сабина тоже не смогла сдержать улыбку. Все знали, что у одиночки-мизантропа Снейдера практически не было друзей – за исключением Винсента, бассета, который жил с ним в здании бывшей мельницы у леса на краю Висбадена.
- Проверьте также все дела Снейдера за последние пятнадцать лет, нет ли там связей с Верхней Австрией, с какими-нибудь коллегами или людьми, которых он отправил в тюрьму.
- Почему бы нам не спросить его самого?
- В настоящий момент это непросто сделать, – вздохнула Сабина, ограничившись таким комментарием. – Но я этим займусь.
- Коллеги уже собрались расходиться.
- И еще кое-что, – сказала она. – Покажите видео какому-нибудь лингвисту. Может, он точнее определит, какого региона диалект этой женщины. Возможно, так мы сможем установить ее личность. – Она взглянула на часы. – Мы снова встретимся с вами здесь в шестнадцать часов.
- Пока все выходили из зала, она набрала номер Снейдера.
- Ближе к вечеру коллеги один за другим стали возвращаться в конференц-зал. По их опустошенным измученным лицам Сабина поняла, что никто не успел пообедать. Поэтому она организовала свежий кофе и печенье, на которые все сразу жадно накинулись.
- Спасибо за вашу пунктуальность, – начала совещание Сабина и перелистала свои бумаги. – К сожалению, с минус второго этажа новостей нет. Монашка по-прежнему молчит. Что вам удалось выяснить?
- Не теряя времени, они обменялись результатами.
- Лингвист считает, что диалект монашки можно отнести к региону Браунау-ам-Инн, – пояснила одна коллега.
- Сабина подняла глаза.
- Браунау, место рождения?..
- Да, именно.
- Замечательно*, – цинично подумала она.
- Но пока мы не смогли идентифицировать эту женщину. К тому же ни в одном из женских монастырей в окрестностях отсутствующих нет.

Тупик!

– Кроме того, мы проверили пункты проката костюмов в городе, – добавила коллега. – Никто не арендовал и не покупал костюм монахини. За последние месяцы были три онлайн-заказа, но ни цвет, ни размер не совпадают. Заявлений о краже подобной одежды из какого-либо монастыря тоже не поступало.

Хорошая идея. Однако подлинность монахини до сих пор не была доказана. *К сожалению, это тоже тупик.* Сабина посмотрела на коллег из архива данных:

– А вы что-нибудь нашли?

– Мы обнаружили только два следа, которые связывают Снейдера с Верхней Австрией. И оба мужчины уже три года в тюрьме. Последние визиты к ним были пять недель назад.

И еще один тупик!

– Я так и думала, – призналась Сабина. – Я звонила Снейдеру. Как некоторые из вас, возможно, уже знают, он уволился сегодня утром.

По залу пробежал гул – очевидно, сарафанное радио работало в БКА не так хорошо, как думала Сабина.

– Но я все равно дозвонилась до него и отправила ему фото нашей монашки. Он случайно видел эту женщину сегодня утром у лифтов, но ее не знает. У него также нет никаких контактов с Верхней Австрией, которые могли бы нам помочь.

– Снейдер готов поговорить с этой женщиной? – спросила Тина.

– Я пыталась уговорить, но его ответ: *нет*. – Сабина с надеждой посмотрела в сторону коллег из отдела информационных технологий, потому что в настоящий момент они были ее последним шансом на успех.

– Мы не обнаружили монахиню ни на одном видео камер наблюдения.

– А как она добралась до БКА сегодня утром? – спросила Сабина.

– На такси. Водитель подобрал ее за двадцать минут до этого у опушки леса, к западу от Нидернхаузена. Там след теряется.

И это гарантированно ложный след, чтобы запутать нас.

– А что с камерами наблюдения на остановках и автобусных вокзалах? – уточнила Сабина. Постепенно у нее иссякали идеи.

– Тоже ничего – мы даже использовали программу распознавания лиц... – Он понизил голос: – Без судебного разрешения. Безрезультатно.

Проклятье!

– К тому же наши коллеги разослали фотографию по всем таксистам в Висбадене, автобусным вокзалам и билетным кассам на железнодорожных вокзалах. Ни одного попадания.

– Камеры банкоматов? – Сабина затронула щекотливую тему, потому что здесь им пришлось воспользоваться брешами в системе безопасности в собственных целях.

– Мы взломали федеральным трояном серверы операторов банкоматов – конечно, тоже без официального разрешения. – Коллега из ИТ-отдела махнул рукой. – Не важно... тоже никаких результатов.

Твою мать!

– Но это же означает только одно, – заключила Тина. – Что монашка, если она действительно удерживает свою жертву в каком-то пустом помещении, как мы предполагаем, выбрала такое место, где нет камер.

Сабина подняла бровь.

– Хорошо, дальше!

Тина разложила на столе подробный план Висбадена, где отметила все места, которые тем или иным образом были связаны с лаками или красками.

Все подошли ближе и склонились над картой.

– Какие точки отпадают из-за видеонаблюдения? – спросила Сабина.

Коллега из ИТ-отдела взял красный карандаш и вычеркнул все позиции, на которых имела́сь какая-нибудь рабочая камера. В конце не осталось ни одного отмеченного места.

– Но вот здесь... лакокрасочная фабрика «Понтс», – сказала Тина.

– Верно, – ответил компьютерщик. – Фасад фабрики попадает на камеру дорожного наблюдения, а тыльная сторона нет.

– Пустует уже пять лет, – пояснила коллега, выросшая в Висбадене.

«Пройдите через главный вход», – вспомнила Сабина последние слова монахини.

– Это должна быть она.

– Да, в этом есть смысл, – заметила одна коллега. – Но откуда у монашки вся информация, чтобы незаметно передвигаться по городу, словно дух?

– Это мы еще выясним.

Тина тут же схватила мобильный и нажала на кнопку быстрого набора номера.

– Мы нашли место, – коротко сказала она. – В следующие полчаса нам нужна группа быстрого реагирования для освобождения заложника.

Сабина кивнула ей. Вооруженные до зубов, они ворвутся в этот цех и задержат всех, кто будет выглядеть подозрительно.

Завершив разговор, Тина просияла:

– Ловко мы это провернули.

Некоторые коллеги зааплодировали или похлопывали друг друга по плечу. Только Сабина сохраняла скептический настрой.

Рано радоваться!

– Что с тобой? – спросила Тина.

– Не знаю, – пробормотала Сабина. – По мне, так все прошло слишком просто и гладко.

– Ты это называешь *просто*? – повторила Тина.

Сабина кивнула и взглянула на видеостену, на которой все еще светилось изображение монахини.

– От этой спокойной, умной и, очевидно, безукоризненной женщины я ожидала больше изощренности.

– Просто она недооценила нас, – возразила Тина.

Сабина молча пожала плечами.

Глава 6

Около половины шестого они стояли перед главным входом в лакокрасочную фабрику «Понтс». Черные «тойоты-лендкрузер» от БКА и автомобили подразделения быстрого реагирования перекрыли улицы в радиусе пятиста метров.

Небо уже темнело, а на горизонте стягивались черные дождевые тучи. Вероятно, в ближайшие часы над Висбаденом разразится летняя гроза.

Сабина вышла из автомобиля и буквально ощутила влажность в наэлектризованном воздухе. Быстрым движением она собрала волосы в хвост. На Сабине были джинсы, прочные кроссовки, черная футболка, пуленепробиваемый жилет, поверх которого она закрепила наплечную кобуру для своего «глока».

К ней подошла Тина. Она тоже была в кевларовом бронежилете, но «ЗИГ Зауэр» держала в кобуре на поясе.

– Спецназ готов. Группой командует Шёнфельд.

Это хорошо. Шёнфельд учился вместе с Сабиной и Тиной в академии. Он был женат на Майкснер, которая с ними и Гомезом тоже посещала курс Снейдера в академии. Правда, Снейдер скрутил их троих в бараний рог, и те после двух семестров сдались. Гомез пошел во внутреннюю службу безопасности и был убит в ходе расследования одного дела. Майкснер все еще служила в дорожной полиции, а Шёнфельд перешел в спецназ, куда отлично вписался со своей любовью к фитнесу и крепким телосложением. У них с Майкснер родилась дочка, которой сейчас было уже пять лет.

Тина сопровождала Сабину по ломкому потрескавшемуся асфальту парковки к главному входу в цех. Перед ветхой стеной вымахали полуметровые заросли бурьяна.

Как фабричный цех, так и прилегающее двухэтажное офисное здание с разбитыми оконными стеклами выглядели совсем не так, будто пустовали всего пять лет. Наверное, фирма обанкротилась уже много лет назад.

Перед рольворотами на корточках сидели два спецназовца в серой униформе. Они просверлили отверстие в металлических воротах и ввели внутрь камеру. Монитор ноутбука показывал им, как цех выглядел внутри. Там было тихо, темно и пусто.

– Все чисто, никаких проводов, бомбы нет. Можно входить, – прошептал один из них.

Шёнфельд пересек парковку, подошел к Сабине и Тине и коротко кивнул им в знак приветствия.

– Вторая команда находится с другой стороны у заднего входа. Что?.. – Его мини-рация на наплечнике протектора щелкнула.

«Все спокойно и чисто», – донесся искаженный голос.

– Спасибо, конец связи. – Светлые волосы Шёнфельда были коротко подстрижены. Он похудел, а его лицо стало угловатым. В глазах читался многолетний опыт подобных операций. – Что делаем? Штурмуем главный вход?

Сабина задумалась.

«Пройдите через главный вход!» – крутился у нее в голове совет монахини. Это был совет из добрых побуждений или коварная ловушка? Могла ли она вообще доверять женщине, которая объявила о семи убийствах, – пусть у нее и был добродушный взгляд? Или все это просто ложная тревога? Хорошо инсценированный отвлекающий маневр?

– Нет, мы зайдем с черного хода, – решила Сабина в целях безопасности.

Шёнфельд кивнул своим коллегам.

– Хорошо, оставайтесь здесь в режиме готовности и ждите моего распоряжения открыть дверь и войти в здание. Мы пойдем на другую сторону.

Тина, Сабина и Шёнфельд обогнули здание. Там перед запертой металлической дверью стояли еще три спецназовца.

Сабина взглянула на ноутбук, который показывал тыльную часть цеха изнутри. Здесь тоже не было ничего примечательного.

В этот момент над их головой пролетел дрон. Рация Шёнфельда снова щелкнула.

«Все чисто. Движения нет», – сообщил коллега из автомобиля подразделения быстрого реагирования.

– Хорошо, заходим! – скомандовал Шёнфельд.

Двое коллег подняли таран, ударили два раза и с третьего выбили ручку и замок из рамы. Дверь распахнулась, и они ворвались в здание. Третий коллега и Шёнфельд последовали за ними, Сабина и Тина вытащили оружие и тоже вошли внутрь через взломанную дверь.

Мужчины тут же распределились. Из разных сторон Сабина слышала выкрики «Чисто!», но осталась стоять у входа и осматривалась. Ей потребовалось немного времени, прежде чем ее глаза привыкли к темноте. В отличие от нее у спецназовцев на шлемах были очки ночного видения, усиливающие остаточный свет. Поэтому они решительно устремились вглубь цеха, заглядывая в каждую нишу.

Сабина услышала над собой глухое бульканье, от которого застыла на месте. Она вскинула пистолет и посмотрела вверх. Над ее головой находилась прозрачная красноватая ПВХ-труба шириной с руку, заканчивающаяся пластиковым баком. Последний висел под потолком на высоте пяти метров и вмещал в себя как минимум триста литров. Что там булькнуло?

Сабина прищурилась, чтобы разглядеть другие детали. От верхнего края двери к баку пролегал, провисая, нейлоновый трос. Ногой она чуть шире приоткрыла дверь, и трос натянулся. В следующий момент дверь автоматически качнулась обратно, трос снова провис.

Тут Сабина догадалась. Натяжение нейлонового троса привело в движение рычаг, который находился между баком и ПВХ-трубой, и открылся какой-то клапан.

Черт! Все-таки нужно было зайти через главный вход.

Сейчас какая-то жидкость вливалась из отверстия бака в трубу; отсюда и бульканье.

– Все сюда! – крикнула Сабина.

Через несколько секунд Шёнфельд, Тина и один из коллег стояли рядом с ней. Шёнфельд стянул со шлема очки ночного видения и посмотрел вверх на бак. В следующий момент он понял, что произошло.

Тина прицелилась в бак.

– Все в укрытие!

– Что ты делаешь? – спросила Сабина.

– Какой бы механизм мы ни привели в действие, нужно остановить утечку этой жидкости. – Тина хотела уже нажать на спусковой крючок.

– Подожди! – Шёнфельд схватил Тину за руку и опустил ее вниз. – Мы не знаем, возможно, эта жидкость легковоспламеняющаяся.

– Черт! – Тина сунула пистолет обратно в кобуру.

– Она права, мы должны это остановить! – крикнула Сабина. – Тогда обрубим трубу!

Так как бак висел слишком высоко под потолком, они не могли добраться до спускового клапана, чтобы переключить рычаг. Им нужна была минимум трехметровая лестница.

Шёнфельд огляделся. На стене рядом с входной дверью под стеклом находился красный переключатель пожарной сигнализации. Рядом висели огнетушитель и топорик. Недолго думая, Шёнфельд вырвал топор из опломбированного крепления и побежал к баку у стены, над которым проходила труба.

– Помогите мне забраться! – крикнул он.

Сабина поддержала его под руку, и он залез наверх. Балансируя на баке, взмахнул топором над головой, вытянулся и ударил по пластиковой трубе, в которой топор со скрежетом застрял. Пластик раскрошился, появилась длинная трещина, и жидкость потекла из отверстия.

К этому времени к ним подошли остальные спецназовцы, они держались на безопасном расстоянии.

– Вы обыскали фабрику? – спросила Сабина, не отрывая взгляда от Шёнфельда.

– Да, все, кроме цеха с красной дверью.

– С красной дверью? – спросила Сабина.

Тем временем Шёнфельд схватился за рукоятку топора, чтобы выдернуть тот из трубы.

– Осторожно! – крикнула Сабина. – Мы не знаем, что это.

В этот момент труба обломилась, жидкость вырвалась наружу – и сплошным потоком излилась на Шёнфельда. Тот сорвался с бака и со сдавленным криком упал спиной на пол. Бесцветная жидкость разъедала его шлем, наплечник, плечо и грудной протектор, который тут же пошел пузырями. Поднялось вонючее облако пара, и Шёнфельд, крича, бил вокруг себя руками.

Тина подскочила к нему и, схватив за запястья, оттащила в сторону. Она и еще один коллега сорвали с головы Шёнфельда шлем, прежде чем кислота успела добраться до кожи.

В следующий момент Сабина справилась с шоком.

– Вызовите скорую! – крикнула она одному из коллег. Потом взглянула на Шёнфельда.

Тина оказывала ему первую медицинскую помощь. В нескольких метрах от них кислота, текущая по полу, начала разъедать бетон. Ядовитые, едкие пары поднимались в воздух.

– Вытащите Шёнфельда наружу! – распорядилась Сабина.

Пока один коллега разговаривал по телефону с санитарами, а другие выносили Шёнфельда через дверь на улицу, Сабина задержала дыхание и уставилась на трубу.

Шёнфельд не полностью разрушил трубу, примерно четверть жидкости продолжала течь. Но куда?

Сабина последовала за трубой в центр помещения. Подобно старомодной пневматической почте, ПВХ-труба с небольшим наклоном тянулась вдоль цеха. Проходила через стену-перегородку и скрывалась, вероятно, в расположенном за ней цехе. Ниже находилась металлическая дверь с облупившимся лаком.

Красная дверь.

Сабина осторожно нажала на ручку, одновременно глядя наверх. Дверь открылась, и больше ничего не произошло. *Никакого механизма.* За дверью находился небольшой цех чуть ниже уровнем, бетонный пол в котором, как в ванной, был покатым. Труба шла по потолку и заканчивалась точно в центре помещения над стоком.

О господи!

Там висел мужчина, одетый в штаны и свитер, с кляпом во рту, руки над головой были прикованы к отверстию трубы. Он на цыпочках балансировал на двух стоящих друг на друге баках.

Сабина схватилась за рацию на наплечнике ее жилета.

– Мне нужно подкрепление в соседнем цехе. Срочно!

Она оборвала связь и побежала к мужчине.

Свою первую мысль – выбить из-под него оба бака – она мгновенно отбросила. Тогда мужчина беспомощно повис бы на трубе.

– Я спущу вас! – крикнула она ему, но сомневалась, что он ее услышал, так как был слишком занят тем, чтобы удержать равновесие. К тому же он был достаточно пожилым и, казалось, уже не в полном сознании.

Тут из отверстия трубы хлынула первая порция жидкости и полилась мужчине на голову и плечи. Тот вздрогнул и завыл от боли.

Сабина огляделась. Никакой лестницы поблизости. Взобраться наверх по бакам и отцепить оковы было тоже невозможно. Насколько Сабина разглядела, наручники были массивные.

Пока мужчина с криками пытался отклониться в сторону, не теряя равновесия, она вскинула оружие и прицелилась в наручники. Рискнуть и выстрелить мужчине в руку? *Плохая идея!* К тому же это никак ему не поможет. Она отвела пистолет в сторону, прицелилась в трубу и выстрелила. Один раз, второй, третий. Труба раскололась, жидкость закапала на пол и потекла в сточное отверстие.

Тут мужчина так сильно дернулся, что потерял равновесие и сорвался с баков. Теперь он всем весом повис на наручниках, судорожно забил ногами, в то время как кислота продолжала его разъедать.

Проклятье! Запаниковав, Сабина все-таки прицелилась в наручники и выстрелила. Со второй попытки она попала в один, и мужчина повис на одной руке. От него пахло паленой кожей, горелой тканью и обугленными волосами. Тем временем шерстяной свитер благодарно впитал жидкость, и она начала разъедать тело мужчины.

Он задержался в отчаянной попытке дотянуться ногами до баков. При этом случайно опрокинул верхний, и тот с грохотом упал на пол.

Сабина хотела выстрелить еще раз, но ей пришлось отскочить в сторону, потому что пустой бак рухнул рядом с ней на бетон и покатился.

Тем временем жидкость капала из отверстия уже медленно. Но этого было достаточно. Вид затылка мужчины был настолько ужасен, что Сабина не могла пошевелиться. Но и то, что осталось от его лица, плеч и рук, выглядело не лучше – как и свитер, который свисал с него дымящимися лоскутами.

На глаза у нее навернулись слезы. Сабина отвела взгляд, ее тело оцепенело от бессилия. К тому же пары были настолько едкими, что ее вырвало – так как она не могла согнуться – прямо на ботинки.

Когда Тина добралась до нее, мужчина уже перестал кричать. Последние шестьдесят секунд показались Сабине часом – а несчастному мужчине наверняка целой вечностью.

Через четверть часа Сабина сидела на улице, прислонясь спиной к стене, – и смотрела на горизонт. Угрюмые дождевые облака окончательно завладели небом над Висбаденом, и уже начало моросить. Краем глаза Сабина видела, как сухой асфальт впитывал дождевые капли, темнел и дымился. Духота была невыносимая.

Вдали на парковке светились мигалки двух карет скорой помощи и нескольких полицейских машин. Бегали и суетились люди, трещали рации. Только что подъехал фургон похоронной службы, чтобы забрать труп.

Да уж, новое дело началось отлично. В нескольких метрах от нее умирал мужчина, она застыла от страха и не смогла ему помочь. *К такой ситуации тебя никто не подготовит.* К тому же она знала, что уже никогда не сумеет выбросить эти картинки из головы.

Уволься и запишись на психотерапию, – говорил ей внутренний голос. – *Ты не создана для такой работы. Даже парни покрепче тебя – например, Снейдер – уже уволились. Это не стыдно.*

Или продолжать?

Гomez мертв, Шёнфельд пострадал. Полтора года назад Тина пять часов пролежала на операционном столе с проколотым легким, а в прошлом году ты и сама чуть не умерла. Не говоря уже о Снейдере, которому вообще доставалось каждый год.

К чему все это? Это не для тебя.

Хватит!

По щекам у нее бежали слезы.

Тут она услышала шаги. Сабина быстро вытерла рукой глаза.

Тина села рядом у стены, скрестив ноги.

– Шёнфельда лишь слегка задело. Несколько ран на щеке и шее, легкие ожоги на ключице. Пары опаснее. Его только что наизнанку выворачивало. – Она попыталась улыбнуться. – Теперь наш красавчик наконец-то выглядит как настоящий мужчина.

Сабина шутку не поддержала. Она продолжала смотреть на горизонт.

Тина толкнула ее локтем.

– Эй, что такое?

– Что такое? – резко переспросила Сабина. – Я приняла неверное решение – вот что! Операция провалилась. Если бы мы вошли с главного входа, то с Шёнфельдом ничего бы не случилось и мы спокойно спустили бы этого мужчину.

– Он не первый, кого мы не смогли спасти. За эти годы многие умерли.

Спасибо, Тина. Какое утешение!

Сабина стиснула руки.

– Вылейся кислота на мужчину одним большим потоком, он погиб бы за секунды. Но я приказала Шёнфельду обрубить трубу, поэтому кислота капала медленно и разъедала его. Тина, он умер на моих глазах в таких муках. Он кричал и кричал, и если бы я...

– Если бы да кабы! – резко оборвала ее Тина, обняла одной рукой и притянула к себе. – Ты не знаешь, что мы только сейчас обнаружили. Сверху на баке был приклеен батарейный таймер, какой используют на Рождество, чтобы включать гирлянды.

Сабина подняла глаза.

– И что?

– Меньше чем через час небольшой поворотный двигатель был бы активирован, натянул нейлоновый трос, и рычаг переключился. В любом случае кислота потекла бы по трубе и убила мужчину. Даже если бы мы не нашли эту фабрику или нашли слишком поздно.

Сабина вытерла щеки от слез. Она ощущала их соленый вкус на губах.

– Через час? – Она взглянула на часы.

– Ровно в семь часов вечера.

– Монашка дала мне понять, что у меня есть время до полуночи, чтобы предотвратить это убийство.

– Хм, значит, она обвела нас вокруг пальца.

И не только. Сабина медленно повернула голову в сторону, так что позвонки хрустнули.

– Она манипулировала мною, ловко подкинула свою подсказку, точно зная, как я себя поведу – что я не поверю ей и решу зайти с заднего входа.

– Как ни крути... мужчина все равно бы умер.

Нет, зайди мы вовремя с другой стороны... Но эта женщина хотела, чтобы он обязательно умер.

Сабина поднялась.

– Что ты задумала?

Сабина сжала кулаки.

– Я поговорю с ней еще раз.

Она направилась к машине. И почувствовала сильное желание одним ударом стереть довольную улыбку с лица этой женщины.

Глава 7

Войдя в здание БКА, Сабина, все еще злясь на себя, прошагала к лифтам. Она не подумала сдать служебное оружие, а собиралась как есть – грязная, потная, в бронежилете – войти в комнату для допроса на минус втором этаже и обрушиться на монашку с обвинениями: из-за того, что ее коллега получил ожоги кислотой, а прикованный к трубе мужчина умер.

Но Дирк ван Нистельрой поймал ее перед лифтом. На нем была новая темно-синяя тройка, свежевыглаженная рубашка с галстуком, а вместо очков в стальной оправе – на зачесанных на пробор седых волосах красовались солнцезащитные очки. В руке он держал толстую папку. Очевидно, он как раз собирался покинуть здание в сопровождении двух телохранителей. На улице Сабина заметила его черный «Мерседес» С-класса.

– Куда? – коротко спросил ван Нистельрой.

– В комнату для допросов, – так же кратко ответила Сабина.

Он свел брови.

– Зачем?

– Чтобы поговорить с монашкой. Операция...

Он коснулся ее плеча и понизил голос.

– Мне уже сообщили, что произошло.

– Хорошо, тогда вы знаете, что...

– Замолчите! – резко оборвал он ее. Несколько человек, стоявшие между сканером и турникетом, посмотрели в их сторону.

В этот момент открылась дверь лифта. В кабине было два человека, третий хотел уже войти. Но ван Нистельрой преградил ему дорогу.

Он бросил мрачный взгляд в кабину.

– Все на выход! – приказал он.

Ошарашенные, оба сотрудника протиснулись мимо него наружу. Когда кабина опустела, он сунул папку в руку одному из своих телохранителей.

– Ждите здесь!

Затем затащил Сабину в лифт, нажал на кнопку, чтобы дверь закрылась, и, опустив тумблер, заблокировал кабину.

– Теперь слушайте меня внимательно, Немез! – Он притиснул Сабину плечом к стене и поднял указательный палец. – В вашем состоянии вы не сможете уличить и детсадовца, который украл конфету. Посмотрите на себя! Вы взбудоражены, растеряны и эмоционально раздавлены. Если вы сейчас заговорите с этой женщиной, она сразу же поймет, что случилось. Достаточно взглянуть в ваши глаза. Она будет торжествовать и уничтожит вас психологически, так что в итоге вы не сможете работать даже регулировщиком движения. Вы меня поняли?

Проклятое дерьмо! Ван Нистельрой был прав. Один раз она уже пошла неподготовленной на допрос к монашке и все запорола.

– На моих глазах умер мужчина... – сказала Сабина.

– Я знаю! И теперь мы уверены, что умрут еще шестеро, если мы потеряем голову.

– Мне это не по силам.

Ван Нистельрой отпустил ее и приподнял одну бровь.

– Я знаю вас со времен расследования дела «Сказка о смерти». Наше сотрудничество началось не очень хорошо. С тех пор я никогда не давал вам понять, какого о вас мнения. Но вы с самого начала глубоко меня впечатлили. Вы – одна из лучших.

Сабина наконец подняла на него глаза.

– Вы говорите это, чтобы просто меня поддержать.

– Вам следовало бы знать меня лучше. Я еще никогда и никому не льстил попусту. А говорю так, потому что это правда. К сожалению, на Снейдера больше нельзя рассчитывать, но он обучил вас. В этом здании вы лучше всех знаете его самого и его методы. И до сих пор держали хорошую связь с монашкой. Вам она хотя бы пару слов сказала. Выясните, почему она хочет говорить только со Снейдером и что задумала. – Он сделал глубокий вдох. – Вы все еще хотите отказаться от этого дела?

– Да.

– Заявление отклонено, Немез! Успокойтесь и соберите членов вашей специальной группы. Для всех действует запрет на отпуск. Следующие семь дней вы круглосуточно при исполнении служебных обязанностей. Понятно?

Проклятье, да! Сабина кивнула.

Через два часа они снова собрались в конференц-зале. Снаружи уже стемнело. Окна были открыты, и прохладный ночной воздух вливался в помещение. К тому же несколько термосов и дюжина чашек распространяли запах крепкого кофе, так что в воздухе содержалось достаточно кофеина, и все могли бодрствовать до полуночи, не сделав ни глотка.

Сабина приняла в БКА душ, переделась в кабинете в свежее и не только смыла горячей водой пот и грязь с тела, но и попыталась стереть из памяти жуткое воспоминание и избавиться от скорби и сомнений. Ван Нистельрой был прав – нельзя позволить монашке одержать над собой верх.

Она сделала глоток кофе, проглотила таблетку от головной боли и посмотрела на коллег.

– Спасибо, что не ушли после окончания рабочего дня и нашли время, чтобы продолжить расследование.

Это были общие фразы, так как формально у них все равно не было выбора. Но Сабина была уверена, что и без указания ван Нистельрой коллеги согласились бы на сверхурочную работу и за это заслуживали благодарности.

Между тем первый отчет о жертве был готов. Мужчину звали Вальтер Граймс.

– Ему было шестьдесят восемь лет, – сказал сотрудник отдела криминалистической техники. – Три года на пенсии, жил рядом с Браунау-ам-Инн, в Верхней Австрии, недалеко от границы с Германией.

Все удивленно подняли глаза. Браунау. Наверняка в этом какая-то связь с монашкой.

– Как и почему он попал в Висбаден? – спросила Сабина.

– В кармане его брюк мы нашли не только портмоне с удостоверением личности, но и билет на поезд. Он прибыл сегодня утром во Франкфурт ночным поездом из Линца, затем поехал дальше в Висбаден. А вот зачем?.. – задал сам себе вопрос коллега и пожал плечами. – Этого мы пока не знаем. В настоящий момент пытаемся разыскать его друзей и родственников.

– Кем он работал? – поинтересовалась Сабина.

– Это решающий момент. – Коллега коснулся экрана своего планшета. – Он бывший садовник одного уединенного женского монастыря в Верхней Австрии.

Вот нити и начинают сходиться.

– Какого монастыря?

Коллега передал слово молодой женщине, которая подключила кабель видеопроектора к своему ноутбуку и вывела на экран карту Верхней Австрии.

– Не доезжая до Браунау, где Зальцах впадает в Инн, в Инн вливается и река Бругг. Я посмотрела на Ютубе видео про эту местность. В этой речной долине, известной как Бругг-таль, почти всегда стоит туман. На горе посреди леса, в пяти километрах от Браунау, расположен монастырь урсулинок. – Она вывела фото на стену. Это был монастырь средневековой постройки, окруженный высокими елями, с острыми башенками и вытянутыми флигелями с красной черепичной крышей.

Сабина рассматривала фото. Уединенное место. Коллеги вряд ли стали бы так пристально фокусироваться на бывшем месте работы Граймса, не окажись несколькими этажами ниже в комнате для допросов женщина в монашеской одежде.

– Здание выглядит очень старым.

– Оно было построено в 1495 году, отреставрировано через двести с лишним лет в эпоху позднего барокко, в течение всего времени использовалось различными орденами, пока в 1920 году не была основана *эта* монашеская конгрегация. Затем были достроены флигели. Они называют себя сестрами-урсулинками Святейшего Сердца Иисуса в Агонии.

– Монастырь Бруггталь, – пробормотала Сабина. – Значит, пожилой мужчина работал там еще несколько лет назад. Нужно выяснить, была ли в монастыре в это время и наша монашка.

– Мы этим уже занимаемся. Контакта с монастырем пока нет, но мы работаем. Во всяком случае, форма и цвет хабита указывают на то, что она оттуда.

– Хабита? – переспросила Сабина.

– Монашеская одежда так называемых черных урсулинок.

Ага! Сабина кивнула и снова подумала о Граймсе. *Садовник*. Она невольно вспомнила татуировку на запястье монахини. Черная роза с шипами. Мысль казалась притянутой за уши, но, возможно, эта татуировка была подсказкой о Граймсе и его профессии.

– Какие-нибудь идеи?

– Будем исходить из того, что наша монашка – сестра в этом урсулинском монастыре... или, по крайней мере, была раньше, – подала голос Тина. – Вспомните шрамы у нее на запястьях и шее. Возможно, Граймс издевался над ней. Может, мы имеем дело со случаем насилия.

– Значит, ты допускаешь месть как мотив? – спросила Сабина.

– Я задаюсь вопросом, что могло сподвигнуть женщину, которая настолько глубоко верит в Бога и его заповеди, совершить такой ужасный поступок.

– Не знаю, – призналась Сабина. – Но я по-прежнему убеждена, что у нее были сообщники, которые сделали за нее физическую работу и помогли с техническими знаниями для этой ловушки.

Глава 8

Собрав еще больше информации об урсулинках, в десять часов вечера Сабина вошла в смотровую комнату для допросов, в которой все еще сидела монашка – на стуле за столом под люминесцентными лампами, руки в наручниках.

Пока что она находилась под строгой охраной и была все еще неофициально под арестом: ее не передали судье и не определили, как положено, в камеру предварительного заключения. БКА имело право задержать ее у себя на 48 часов. Все-таки она как минимум знала о предстоящем убийстве и ничего не предприняла для его предотвращения.

Так как женщина отказалась надевать серую униформу заключенных, на ней все еще было монашеское облачение. Сабина никак не могла привыкнуть к такому сюрреалистичному виду. Монахиня и комната для допросов – все это не вязалось. К тому же лицо женщины частично скрывалось в тени от нависающего головного покрывала, и выглядела она немного мистически.

Как человек, который кажется таким мягким, может совершить столь жестокое преступление? – недоумевала Сабина.

Женщина держала в руках четки с маленьким деревянным крестом, которые до этого висели у нее на поясе, и с невероятным спокойствием перебирала их пальцами. Обычно у любого заключенного сразу же забрали бы тряпичный пояс, четки и цепочку с серебряным крестиком. Слишком легко ими можно задушиться. Но монахиня воспротивилась отдать все эти предметы. Так что ей их оставили из уважения к ее религии, правда, при условии, что и ночью она останется в комнате для допросов под постоянным видеонаблюдением, – с чем она согласилась. Поэтому комната для допросов 2В была спешно переоборудована в камеру неофициального тюремного заключения.

Сабина сидела в темноте с чашкой дымящегося кофе и через одностороннее стекло смотрела в камеру – как в террариум, где находилась опасная змея. С тех пор как она вышла от монахини этим утром, женщина не произнесла ни слова – только попросила разрешения сходить в туалет и что-нибудь, чтобы утолить голод и жажду. Больше ничего.

Сабина потягивала кофе и просматривала на мониторе видеозаписи последних часов в ускоренной перемотке; глубоко погрузившись в молитву, монашка излучала почти зловещее спокойствие.

Наконец Сабина поднялась, вытащила служебное оружие из кобуры, отдала его на хранение коллеге из ночной смены и вошла в камеру.

Монахиня подняла глаза, ее лицо разгладилось и тут же приобрело дружелюбное выражение.

– Добрый вечер.

– *Congregatio Sorum Ursularum a Sacro Corde Iesu Agonizantis*, – вместо приветствия Сабина произнесла латинское название конгрегации урсулинок.

Чем заслужила полное внимание женщины. Она с интересом изучала Сабину.

– Рада вас снова видеть. Без вас было одиноко.

– Я могу сесть?

– Пожалуйста.

Сабина опустила на стул и ждала, чтобы монахиня продолжила разговор.

– Полагаю, вы уже нашли Вальтера Граймса и выяснили связь с тем монастырем, название которого вы процитировали. Правда, это называется *Sorum*, а не *Sorum*.

Я знаю, – подумала про себя Сабина и сдержала улыбку. Тем самым у нее было подтверждение, что они двигались в правильном направлении и речь шла о настоящей монахине.

– Спасибо, я еще не так сильна в этой теме, – небрежно бросила Сабина, не желая признаваться, что уже знает больше. *Андерстейтмент*⁵ – это оружие, – учил ее Снейдер. – Пусть подозреваемый думает, что он умнее тебя. Только тогда он ошибется.

– Граймс выжил?

Сабина сжала губы и промолчала.

Монахиня продолжала перебирать пальцами четки.

– Я не горжусь произошедшим, и мне жаль, что все так вышло, но это было неизбежно.

– Я не слышу раскаяния в вашем голосе, – ответила Сабина. – Вы равнодушны к тому, что мужчина лишился жизни, а вам предъявят обвинение в убийстве и отправят до конца жизни за решетку?

– Я знаю, живут только один раз, – улыбнулась монахиня, – но если все сделать правильно, то и одного раза достаточно.

– Достаточно для чего?

– Для загробной жизни.

Сабина вздохнула.

– Что вам сделал Граймс? Он вас оскорбил, изнасиловал или унизил?

– Я, наоборот, слышу много гнева, бессилия и ярости в *вашем* голосе. Мне жаль, что ваша операция не удалась, – сказала она. – Знаете, мужчина мог и выжить, но вы меня, очевидно, не послушали. Вам нужно было пройти через главный вход, как я посоветовала.

Сабина заставила себя подавить невольное движение челюсти и дышать спокойно. *Не показывай этой женщине свои слабые точки!*

– Знаете, опыт лучший учитель, – продолжала монахиня. – И хорошее в этом то... – она улыбнулась, – что у человека всю жизнь индивидуальные занятия.

– Почему этот мужчина должен был умереть таким ужасным образом?

Монахиня перестала перебирать четки и сжала их в кулаке.

– Я вам уже сказала: буду говорить только с Мартеном Снейдером.

– Я знаю, вы доверяете только ему. Но почему вы *мне* не доверяете?

Монашка снова занялась четками.

– Что случится во второй день? – спросила Сабина. – Сколько времени у нас на этот раз? Опять только до семи часов? Сколько у вас там сообщников?

Но монахиня лишь молча опустила голову, и Сабина поняла, что этой ночью не услышит больше ни слова.

* * *

Через час Сабина стояла во внутреннем дворе здания БКА и смотрела на звездное небо. Ночь принесла приятную прохладу. Гроза прошла стороной, и лишь отдельные молнии вспыхивали на горизонте. Грома почти не было слышно.

В здании светилось всего несколько окон. Большинство жалюзи было опущено. Из-за облака показался месяц.

Сабину знобило. Она до смерти устала. Спичкой она зажгла сигарету, которую стрельнула у техника в комнате для допросов. Дрожащими пальцами поднесла тлеющую сигарету к губам, глубоко затянулась и тут же закашлялась. *Проклятье!* Она загасила сигарету в пепельнице. *Только не начинай с этим делом, а то закончишь, как Снейдер, марихуаной.*

Тут зазвонил ее мобильный. На дисплее высветился номер Тины.

– Ты где?

– Во дворе для курильщиков.

⁵ Understatement (англ.) – преуменьшение, недосказанность.

– В компании? – спросила Тина.

– Нет.

– Как все прошло с монашкой?

Сабина вкратце рассказала ей о разговоре, который абсолютно ничего не дал – кроме того, что женщина насладились своим первым успехом.

– Звучит не очень, – прокомментировала Тина. – В любом случае мы кое-что выяснили. Отдел криминалистической экспертизы только что закончил обследовать фабричный цех. На таймере, маленьком двигателе, бочке, трубах, наручниках, перекатной лестнице во втором цехе и на дверных ручках были обнаружены исключительно отпечатки пальцев монашки.

– Больше ничего?

– *No*, – по-итальянски ответила Тина.

– Значит, у нее все-таки не было сообщника, – заключила Сабина.

– Похоже, она действительно организовала все в одиночку. Маловероятно, но теоретически возможно.

– Спасибо.

– Увидимся завтра. – Тина завершила разговор. Сабина убрала телефон и посмотрела на ночное небо.

Как монашка собирается убить остальных шестерых людей?

Три года назад

Скоростной междугородний поезд только что прибыл на вокзал Иннсбрука. Лейтенант Грит Майбах натянула на плечи рюкзак, в котором находились туристический коврик, спаль-ный мешок и боевое и альпинистское снаряжение, такое как веревка и стальные кошки, – всего сорок килограммов на спине, – и покинула купе. Ее, тридцатичетырехлетнего горного стрелка австрийских вооруженных сил, срочно вызвали на службу. Точного представления она еще не имела, но знала, что операция будет в горах.

Сойдя с поезда, Грит остановилась на перроне и подняла глаза. *Тироль. Снова здесь.* Иннсбрук, окаймленный горными цепями, располагался в долине. Хотя был только конец марта, солнце уже растопило снег в городе. Но величественные горы высотой по две с половиной тысячи метров, окружавшие город со всех сторон, были покрыты снегом почти до самой долины. Стоило посмотреть наверх, как яркий отраженный свет слепил глаза.

Воздух был чистым и обжигающе холодным. Грит сделала несколько глубоких вдохов, надела солнечные очки, пересекла платформу и через вокзальный вестибюль попала в суматоху города. Она сразу направилась в оперативный штаб расположенного рядом полицейского комиссариата.

Грит вошла в переоборудованную под конференц-зал комнату и увидела около дюжины мужчин, тоже из горнострелковых подразделений, которые сидели полукругом, – отчасти знакомые лица, – и своего бывшего наставника, полковника Айхингера.

– С лейтенантом Майбах мы в полном сборе. Садитесь. – Айхингер пошел к видеопро-ектору.

Грит спустила рюкзак с плеч и села на последний свободный стул.

– Нас вызвала земельная полиция, – объяснил Айхингер. – Подразделение «Кобра» упустило одного мужчину, и теперь на сцену выходим мы как специальная команда.

– Всегда одно и то же, – пробурчал один из стрелков, – сначала напортачат, а потом нам можно работать.

– Тишина! – одернул его Айхингер. – У нас мало времени и, к сожалению, очень скудная информация. – Он включил видеопроектор.

Стрелок был не так уж и не прав. Ребята из «Кобры» были обучены освобождать заложников, а горные стрелки – убивать людей, если это необходимо. Видимо, ситуация была дерьмовая.

Грит рассматривала выведенную на стену фотографию. Плохой, размытый черно-белый снимок, на котором был мужчина лет тридцати пяти, в солдатской униформе. *Немецкий бундесвер*, насколько разглядела Грит.

В комнате все тут же стихли.

– Это Томас Шэффер, немецкий солдат, служил в Афганистане. – Айхингер назвал год рождения мужчины. – Вырос в приюте в Регенсбурге, обучался в немецком БКА, а затем пошел в бундесвер. Проводил отпуск в Тироле и слетел с катушек.

Грит изучала угловатые черты лица мужчины, твердый взгляд и коротко стриженные волосы. Кроме этого, она обратила внимание на темное пятно у него под глазом. Шрам или синяк? И невольно дотронулась до красного родимого пятна на лице.

Грит легко могла поставить себя на место мужчины – и это не было связано с эмпатией или прочей психологической чепухой. Она была одного года рождения с Шэффером, сама выросла в детском доме, без родителей, и в военном образовании увидела свой единственный шанс и будущее. Может, такие профессии выбирают, когда не знают ни своего происхождения, ни почему от них отказались биологические родители, а приемные не захотели взять, и срочно нуждаются в самоутверждении. Иногда Грит задавалась вопросом, когда же она слетит с катушек.

– После того как вчера вечером в студенческом баре в центре Иннсбрука Шэффер напился почти до коматозного состояния, он хотел застрелиться из своего оружия. Несколько гостей пытались его остановить. Результат: пятеро тяжелораненых мужчин.

– И «Кобра» не может с ним справиться? – буркнул один из стрелков.

– Тихо! Шэффер крепкий парень. Он...

– Полковник Айхингер, при всем уважении, но чтобы избить пятерых студентов, не обязательно быть крепким.

Все засмеялись.

– Если еще хоть раз без разрешения откроете рот, то *вы* потащите мой рюкзак наверх! – прорычал Айхингер.

Наверх? Значит, Айхингер пойдет с нами.

С этого момента все молчали и внимательно слушали своего наставника.

– Шэффер избил до полусмерти не студентов, а трех солдат, полицейского и таксиста.

– По очереди?

– Одновременно. Он владеет рукопашным боем и был лазутчиком в тылу противника. Он ушел от «Кобры» на рассвете, отправил еще двоих мужчин в больницу и скрылся в горах. Где, вероятно, спрятался в одной из хижин, которых здесь множество.

– И мы должны его найти?

– Найти и нейтрализовать, – уточнил Айхингер. – Как одержимый в состоянии амока, он непредсказуем и может причинить вред еще большему количеству людей.

Может, он еще раз попытается покончить с собой – тогда у нас будет одной проблемой меньше, – подумала Грит.

– У него есть мобильный, который мы могли бы запеленговать?

– Ответ отрицательный! – Полковник Айхингер взглянул на наручные часы. – Мы разделимся на три команды. В шестнадцать ноль-ноль нас заберут три вертолета и отвезут наверх. Затем мы по двое проверим хижины.

Что ж, удачи. Это будет поиск знаменитой иглы в стоге сена – или, правильнее сказать, иглы в снегу.

– Лейтенант Майбах! Вы пойдете со мной, – распорядился полковник.

Вертолеты высадили их на высоте полутора тысяч метров, и они в командах по двое направились в разных направлениях, но оставались в постоянном радиоконтакте.

Грит и полковник Айхингер были последней парой, которая двинулась в путь. Их группа называлась «Песец-один».

В полной экипировке и на снегоступах, они осторожно поднялись к первой хижине. В горах стоял туман и моросил мелкий ледяной дождь. За несколько минут рюкзак и одежда намокли и стали намного тяжелее.

Первая хижина была пуста, вторая тоже. В 18 часов они наткнулись на колючую проволоку с табличкой:

Военная закрытая зона. Вход запрещен. Военный комендант.

Айхингер взглянул на карту.

– Будь я Шэффером, спрятался бы здесь, – пробурчал он.

Теперь и Грит стало понятно, почему «Кобра» запросила поддержку горных стрелков – здесь они ориентировались лучше всех.

Они вошли на территорию, включили налобные фонари и продолжили путь.

Спустя полтора часа марша добрались до следующей хижины. Сообщений от других команд по рации пока не поступало. Неужели Томас Шэффер продвинулся так далеко?

Ветер дул уже сильнее; в защищенных от ветра местах снежных заносов было наверняка минус десять градусов, на открытых пространствах и того больше. Следов Шэффера не сохранилось – если они тут вообще когда-либо были.

– Отдохнем немного в хижине, – решил Айхингер.

Они зашагали дальше. Неожиданно Грит рефлексивно сдернула с плеча винтовку и дозарядила ее. Очевидно, Айхингер увидел то же самое, потому что и он схватился за оружие. В хижине горел свет. Слабое мерцание, которое проникало через закрытые оконные ставни.

– Тихо – и выключите фонарь, – прошептал он.

Они выключили налобные фонари и вместо этого надели защитные очки с усилением остаточного света.

– Зайдите через переднюю дверь и прозондируйте ситуацию. Но с задержанием подождите, я пока запрошу подкрепление, обойду хижину и подстрахую с другой стороны, чтобы он не сбежал, – распорядился Айхингер.

Грит кивнула и направилась к хижине. Она слышала, как за спиной Айхингер остановился и передал по рации ее наблюдение остальным командам.

Наверняка это была не единственная хижина в Тирольских Альпах, в которой горел свет, – но единственная в военной закрытой зоне. А так как они находились здесь со спецзаданием, то им сообщили бы о других военных операциях в этой местности.

Голос полковника Айхингера позади нее становился все тише, и скоро она слышала его приказы коллегам из других команд только через свою рацию.

Грит подошла ближе и увидела, что поднимающийся из трубы дым относит в ее направлении. В следующий момент она почувствовала его запах. *Встречный ветер!* И он так быстро не поменяется. Это хорошо. Ей не нужно слишком стараться не шуметь.

«...с этого момента режим радиомолчания!» – раздался из ее рации последний приказ полковника Айхингера.

Грит все равно выключила свой прибор, чтобы Шэффера не спугнул предательский треск. После этого был слышен только свист ветра.

Добравшись до хижины, она скинула снегоступы, сняла рюкзак с плеч, не выпуская из рук винтовку, и поставила его рядом с входной дверью. Потом стянула с головы защитные очки, чтобы ее глаза привыкли к темноте. Осторожно заглянула между ламелей ставней внутрь. Стекло запотело, но она все равно смогла разглядеть прихожую. Деревянные стены, рога, комод и мощная поперечная балка, на которой висела керосиновая лампа. Больше ничего не было

видно. Во всяком случае, в помещении было пусто. Очевидно, хижину построили в то время, когда местность еще не была закрытой зоной.

Грит сняла перчатки и растегнула молнию своего белого комбинезона. После того как вытащила из кобуры и дозарядила пистолет, она вдавила винтовку в снег рядом с фундаментом хижины и слегка ее прикопала. Оружие ни в коем случае не должно попасть преследуемому в руки. Грит предусмотрительно растегнула ножны на поясе, затем нажала на ручку деревянной двери.

Дверь была незаперта. Петли не заскрипели, и Грит увеличила щель лишь настолько, чтобы заглянуть в прихожую. *О'кей, только прозондировать ситуацию!* На комод лежал рюкзак, рядом стояли три открытые банки энергетика.

Вот как ты проводишь вечер.

Наверняка полковник Айхингер скоро закончит свои приготовления и обогнет хижину. Грит проскользнула в комнату. Свист ветра тут же смолк. Она тихо закрыла за собой дверь. В хижине было не меньше пяти градусов тепла, пахло дровами и камином.

Грит тихо раскрыла рюкзак и медленными движениями порылась в нем. Только рулон туалетной бумаги, пара консервных банок тушенки с овощами, свитер и аптечка. В боковом кармане она нашла несколько купюр евро, паспорт, спички, компас и multifunctional складной нож.

Тающий снег стекал с шапки по вискам. Она вытерла воду с лица и затем промокнула ладони туалетной бумагой. Там, где она стояла, вокруг ее сапог образовалась лужица.

Спокойно, не торопиться, – думала она. – Айхингер наверняка сейчас появится.

Держа одной рукой пистолет, окоченевшими пальцами другой она раскрыла паспорт.

Томас Шэффер.

Это был тот же мужчина, чье фото она уже видела на оперативном совещании. И чье лицо показалось ей таким знакомым.

Гражданин Германии.

Рост метр восемьдесят шесть, голубые глаза.

Место рождения Регенсбург.

Затем она уставилась на дату рождения Шэффера. Он родился не только в один год, но и в один день с ней. *9 мая.*

Она выросла в Куфштайне в Тироле, Томас Шэффер в Регенсбурге – даже не так далеко друг от друга. *В жизни бывают совпадения. Но то, что у нас один и тот же знак зодиака, тебе не поможет, парень!*

Ей лучше покинуть хижину и снаружи дожидаться полковника Айхингера с подкреплением. Грит засунула паспорт обратно в рюкзак и уже хотела дать задний ход, как включилась ее рация.

«Белая куропатка – Песцу. Грит, на последней развилке вы направо или нале...»

Вот дерьмо!

Она отключила звук. Видимо, до этого на холоде выключатель не сработал.

Грит тут же вскинула пистолет и задержала дыхание.

Ты такая идиотка! – ругала она себя. Но еще больше злилась на коллегу, который нарушил режим радиомолчания и к тому же назвал ее по имени.

Для отступления было слишком поздно. Шэффер наверняка все слышал. Так что оставалось только рвануться вперед. Она распахнула дверь и ринулась из прихожей в хижину.

Да, Шэффер все слышал.

Он стоял в свете керосиновой лампы, в сапогах, военных штанах, с голым торсом – и с «глоком» в руке. Ствол смотрел прямо на нее.

Она взглянула Шэфферу в лицо, узнала сверкающие голубые глаза и просто обомлела.

Этого не может быть!

День второй Бах-ан-дер-Донау, Бавария Суббота, 13 мая

Глава 9

– Немез, видит бог, у меня есть дела поважнее, чем обсуждать с вами ваше расследование. – Дирк ван Нистельрой подошел к своему письменному столу, скинул пиджак и бросил его на спинку стула.

На столе стояла дымящаяся кружка с кофе, рядом с телефоном возвышалась башня из конвертов внутренней почты. И вероятно, к полудню там окажется уже следующая стопа.

Но Сабина не могла с этим считаться. Сцепив руки за спиной, она стояла в центре комнаты и смотрела в окно на внутренний двор. Светало, а во многих кабинетах уже горел свет.

– Я бы предложила...

– Какие бы идеи у вас ни появились, просто *действуйте!* – прорычал ван Нистельрой. Он остался стоять, словно дожидаясь, когда она наконец добровольно исчезнет из его кабинета, прежде чем ему придется ее вышвырнуть. – Похищенный погиб, коллега ранен – это плохо, но такое случается. Так как Краймса еще не...

– Вальтер Граймс, – исправила его Сабина.

– Да ради бога. – Ван Нистельрой махнул рукой. – Так как его пока не объявили пропавшим без вести, наш пресс-секретарь может придержать информацию о его смерти еще двадцать четыре часа. Но позаботьтесь о том, чтобы монашка наконец-то заговорила и следующего убийства не произошло. Тогда мы сможем уведомить общественность, что спасли жизнь шестерым людям. – Он направил на нее указательный палец. – Я понятно выразился?

– Насколько я узнала монашку, она не раскроет рот.

– Но вы ведь ее *узнали!* – крикнул ван Нистельрой. – Используйте эти знания против нее. Сабина застонала.

– Женщина поставила четкое условие, которое мы не можем выполнить! Она хочет говорить только со Снейдером.

– Зачем БКА несколько лет вкладывало в вас деньги? – Ван Нистельрой свел брови. – Вы профайлер и получили психологическое образование! Сумеете обойтись и без Снейдера.

– Сейчас нет. – Она посмотрела на настенные часы. Было начало седьмого утра. – В этом случае есть только одна разумная вещь, которую я могу сделать.

Ван Нистельрой бросил на нее вопросительный взгляд.

Сабина повернула голову в сторону двери. В этот момент постучали.

Еще до того, как ван Нистельрой успел крикнуть «Войдите!», дверь открылась, и в кабинет вошел высокий лысый мужчина в темном костюме.

Снейдер.

К нагрудному карману его пиджака было приколото удостоверение посетителя.

Лицо ван Нистельроя будто застыло. *Похоже, он действительно считал, что его наконец-то оставят в покое.*

– Вы надо мной издеваетесь, Немез? Что это значит? Какой-то абсурдный номер «хороший полицейский – плохой полицейский»?

– Мне очень жаль, – извинилась она, – но я попросила Снейдера приехать сюда.

– Попросила? Так просто? – фыркнул ван Нистельрой. – И он сразу же примчался?

– Я его вынудила, – призналась Сабина. – Все-таки речь идет об убийстве.

Снейдер и ван Нистельрой некоторое время молча смотрели друг на друга.

– Закрой дверь, – пробурчал ван Нистельрой.

Снейдер захлопнул ее.

– В ближайшие дни произойдут еще шесть убийств, если мы не выполним требование этой женщины, – сказала Сабина. – Я уверена в этом на сто процентов. Не представляю, как она это устроит, но знаю, что у нее есть такая возможность.

Ван Нистельрой застонал. В конце концов полез в ящик стола, вытащил служебное оружие, магазин, связку ключей, магнитную карту и удостоверение и грохнул все на стол.

– Твое вчерашнее увольнение отклонено!

Снейдер, который не сказал до сих пор ни слова и просто стоял рядом, взглянул на Немез.

– Ради этого вы меня сюда притащили?

– Боже мой! – не выдержала она. – Сейчас правда неподходящий момент для того, чтобы два добермана, которых распирает от тестостерона, играли своими мускулами. Мы можем начать разумно работать над этим делом?

Снейдер проигнорировал Сабину и уставился на ван Нистельроя.

– Я работаю в БКА только на моих условиях. Или эффективно, или никак.

– Чего ты конкретно хочешь? – вздохнул ван Нистельрой и опустил на стул.

Снейдер сделал шаг вперед, поднял руку и оттопырил три пальца.

– Во-первых: команду, с которой я могу вести расследование по своему усмотрению. Во-вторых: особое разрешение, чтобы действовать без бюрократических проволочек, прокуроров и судебных решений. И в-третьих: все необходимые особые полномочия, чтобы работать за границей.

Сабина одобрительно кивнула. Как-никак она проинформировала его вчера о связи с Австрией.

– А, по-твоему, у других стран вообще нет права голоса в таких вопросах? – возразил ван Нистельрой.

– У нас имеется соглашение для особых операций.

Ван Нистельрой помотал головой.

– Мартен, это ни в какие ворота не лезет и нарушает все правила.

– Монашка тоже играет не по нашим правилам, – поддержала Снейдера Сабина.

– Как и все преступники, но *мы* все равно должны соблюдать законы, – возразил ван Нистельрой, уже начиная сердиться.

Снейдер подошел ближе к письменному столу.

– Ты отлично знаешь: если кошке надеть перчатки, она не сможет ловить мышей. Поэтому я требую иммунитета во всем, что мы делаем.

Ван Нистельрой сделал большой глоток кофе, затем опустил голову и помассировал виски. Сердце у Сабины колотилось в горле. Она ненавидела нарушать законы, но, в конце концов, речь шла о спасении жизней. Она покосилась на Снейдера. Его лицо и лысина были белые как мел, глаза запали. Самое время для него поймать какого-нибудь убийцу.

– Мы теряем время. Так я получу особые полномочия? – спросил Снейдер. – В противном случае буду наслаждаться спокойствием в моем загородном доме и прочту в газете, как вы профукаете дело.

Ван Нистельрой поднял глаза.

– При всем желании, я не могу...

– Вспомни дело Марка Дютру в Бельгии, – сказал Снейдер. – Пока он сидел в следственном изоляторе, в его подвале от голода умерли две восьмилетние девочки.

– Да, черт возьми, хватит! – Во взгляде ван Нистельроя читалась тоска. – Я не знаю, как объясню это министру внутренних дел, все-таки мы не служба разведки, но да, черт побери! –

Он поднял указательный палец. – Но только для этого случая – и максимум на шесть дней. Ты понял?

Снейдер кивнул.

– И смотри, чтобы тебя не застукали, если пострадают люди... – ван Нистельрой понизил голос, – потому что этого я не одобрял, ясно?

Не моргнув глазом, Снейдер снял удостоверение посетителя с пиджака, взял свой пистолет и рассовал ключи, удостоверение и магнитную карту по карманам.

Ван Нистельрой наблюдал за ним с таким перекошенным лицом, словно после этого разговора язва желудка была ему гарантирована.

– И кому же будет позволено работать в твоей *высокоодаренной команде*? – спросил он, рисуя пальцами в воздухе кавычки.

Снейдер взглянул на него без каких-либо эмоций.

– Для начала только Немез и Мартинелли. Чем меньше, тем лучше, – сказал он. – Остальных людей я назову тебе в течение шести дней.

После того как ван Нистельрой кивнул, Снейдер покинул кабинет. Сабина хотела последовать за ним, но ван Нистельрой остановил ее коротким жестом.

Президент БКА дождался, когда дверь захлопнулась, затем поднял руку и сказал тихим, но настойчивым голосом:

– *Вы* втянули Снейдера в игру, *вы* и отвечаете за то, чтобы ситуация не вышла из-под контроля.

Выйдя из кабинета с тревожным чувством, Сабина последовала за Снейдером к лифтам.

– Чего хотел от вас старый *Stomkop*?⁶ – спросил Снейдер.

– Сами не догадываетесь?

– Вы должны меня контролировать, верно?

Сабина ничего не ответила, но беспокойство от этого только усилилось.

– Вы в курсе этого дела? – спросила она, чтобы отвлечься.

Снейдер натянул свою знаменитую презрительную улыбку.

– Если у меня нет друзей в БКА, это еще не значит, что я не имею того или иного доступа к информации.

– Шёнфельд?

Снейдер кивнул.

– Я навестил его вчера в больнице. Его лицо выглядит как ландшафт с кратерами на обратной стороне луны.

Сабина застонала. Вчерашняя неудача не отпускала ее, так что она не спала всю ночь и в пять утра отправила Снейдеру эсэмэс со срочной просьбой прийти в кабинет ван Нистельроя в шесть часов, иначе она рехнет.

– Я... – вздохнула она.

Тут Снейдер положил руку ей на плечо. Очевидно, этот жест удивил его не меньше, чем Сабину, потому что он быстро убрал руку, когда дверь лифта открылась.

– Каждый совершает ошибки, Немез...

– Но я...

– Молчите и слушайте, когда я с вами говорю! – перебил он ее. – Запомните одну важную вещь: не ошибается только тот, кто ничего не делает. Вы это поняли?

– Поняла.

Они вошли в кабину лифта. Сабина нажала на кнопку второго подземного этажа, где находились комнаты для допросов.

⁶ Дурак, болван (*нидерл.*).

– Но мой прежний опыт всегда показывал, что нужно слушать интуицию. А сейчас это и привело к ошибке.

Снейдер пожал плечами.

– В этом трагедия любого опыта, – заметил он, когда они ехали вниз. – Он всегда приходит с опозданием. – Снейдер нажал на кнопку первого этажа.

– Монахиня в комнате для допросов 2В. Вы не хотите с ней поговорить? – спросила Сабина.

Лифт остановился на нулевом уровне, дверь открылась, и Снейдер подтолкнул Сабину из кабины.

– Нет, заставим ее еще поволноваться. Второе убийство произойдет ведь не сразу к завтраку.

– Что вы собираетесь делать?

– Я возьму в столовой чайник ванильного чая. А вы пока сообщите Мартинелли. Через десять минут встретимся у меня в бюро.

– А потом?

Снейдер ухмыльнулся, как акула.

– Никогда нельзя идти на допрос неподготовленным. Сначала мы выясним пару моментов.

Глава 10

Через десять минут Сабина вошла в кабинет Снейдера.

– Тина подойдет с минуты на минуту.

– Какой godverdomde Idioot⁷ поставил эти растения в мою комнату, пока меня не было? – ругался Снейдер. – Не терпелось передать кабинет другому?

Он выкатил подставку на колесиках с пальмой юккой в коридор. Затем открыл окно. Прохладный воздух хлынул в комнату. Штора вздулась и частично закрыла большую фотографию нидерландского королевского семейства с личным автографом, которая висела на стене в раме. Настоящая гордость Снейдера.

Он всегда имел особые привилегии в БКА, так было и при бывшем президенте Дитрихе Хессе. В отличие от других следователей он занимал два больших кабинета с межкомнатной дверью. Сейчас она была чуть приоткрыта, и Сабина заметила в соседней комнате массажное кресло Снейдера.

В дверь постучали, и вошла Тина. По ее усталому виду Сабина заключила, что она тоже плохо спала сегодня ночью.

– Я не понимаю... – От удивления у Тины округлились глаза. Внезапно краска прилила к ее лицу. – Вы опять на службе? Как здорово! Я...

– Знаю, теперь ваша жизнь снова приобрела смысл, но не тратьте словеса впустую и хватит лизать мне задницу. Закройте дверь, нам нужно приниматься за работу.

– Ничуть не изменился, – вздохнула Тина и села со своим ноутбуком, пачкой документов и широкой улыбкой на лице за стол для переговоров.

Сабина заняла место рядом.

Снейдер расположился за столом напротив них.

– Вы будете против, если я закурю?

– Да, – в один голос ответили Сабина и Тина.

– Отлично, тогда договорились. – Снейдер вытряхнул самодельный косяк из упаковки и щелкнул зажигалкой. По комнате тут же поплыл сладковатый запах марихуаны. Снейдер налил в кружку из термоса ванильный чай. – Хотите по чашечке?

Сабина и Тина помотали головой. Обе посмотрели на потолок, где между свежешпа-клеванными дюбелями белел круг. Снейдер опять демонтировал новый детектор дыма и, вероятно, выбросил его в мусорное ведро.

– С настоящего момента действуют следующие правила. – Снейдер выпустил в потолок второе облако дыма, покрутил косяк между пальцами и уставился на тлеющий кончик. – Я говорю один раз и ожидаю, что вы обе обо всем позаботитесь. – Он снял табачное волокно с губы и бросил его в пепельницу.

– А именно? – спросила Тина.

– Во-первых, никакого адвоката или психологической поддержки под видом кризисного вмешательства для этой монашки.

– Но мы ведь не можем ее просто так... – запротестовала Тина.

– Нет, можем! – перебил Снейдер с непреклонным видом. – Госзащитника она получит лишь тогда, когда дело дойдет до обвинения. До процесса действуют мои правила, что будет потом, мне искренне все равно.

– Хорошо, дальше, – вздохнула Тина.

– Ей запрещается говорить по телефону, исключены радио, телевизор, газеты. С этого момента у нее не должно быть абсолютно никакого контакта с внешним миром. Она получает

⁷ Чертов идиот (*нидер.*).

не обычную еду для заключенных, а безуглеводное питание без сахара. Мы снизим ее уровень сахара в крови. В результате она станет раздражительной и начнет совершать ошибки. Кроме того, вводится абсолютный запрет на передачу информации СМИ. Мы собираемся скрывать смерть Граймса в фабричном цехе до тех пор, пока преступление не будет раскрыто – даже если это продлится все шесть оставшихся дней.

Тина шумно вдохнула:

– Но...

– С сегодняшнего дня наша команда работает на особых условиях, – объяснил Снейдер. – И у этой женщины не будет никаких прав, пока я расследую дело.

Тина не переставала удивляться.

– Все хорошо, но я только что услышала слово *команда* из ваших уст?

– Полагаю, у вас нет проблем со слухом, поэтому да. Немез объяснит вам потом детали, – сказал он. – Пункт второй: Мартинелли, вы установите контакт с этим монастырем в Верхней Австрии, о котором рассказала мне Немез, и выясните личность монашки. Все очень быстро и пока без привлечения австрийской полиции. Если возникнут сложности с руководством монастыря из-за каких-нибудь правил защиты персональных данных, позвоните мне.

Тина кивнула.

– Третий шаг: мы должны узнать все про Граймса. Прежде всего, что он делал в последние две недели. Немез, этим займетесь вы. Если возникнут проблемы с банками, интернет-провайдерами или Телекомом...

– ...Я позвоню вам. – Сабина уже поняла.

– Хорошо. А я пока вчитаюсь в имеющиеся акты и протоколы дела. Через два часа встретимся у меня в кабинете.

В половине девятого Сабина снова вошла в бюро Снейдера. Она боялась, что у него особо не было времени читать, потому что она переводила на него все телефонные разговоры с партнерами, которые отказывались неофициально предоставлять БКА информацию.

Она не знала, как Снейдер это провернул, с помощью ван Нистельроя или без нее, но после последующих телефонных разговоров и мейлов у Сабины десять минут спустя появлялась вся запрашиваемая информация.

Тина уже сидела на своем месте. Ее ноутбук был открыт, и Снейдер смотрел какое-то видео.

– Возраст и описание подходят. Наша монашка действительно была сестрой в монастыре Бруггталь в Верхней Австрии. – Тина ткнула в экран. – А здесь расположена примыкающая школа-интернат сестер-урсулинок. Сгорела в конце семидесятых годов. До этого здание служило пристанищем для умственно отсталых и одиноких молодых женщин.

– Насколько я знаю, обучение и воспитание молодых женщин – цель урсулинок, – пробормотал Снейдер и задумчиво постучал пальцем по своему набору с акупунктурными иглами. Тот был еще закрыт.

– А также наставничество над девочками-сиротами, которые растут там в бедности, безбрачии и послушании, – уточнила Сабина. – Как зовут нашу монахиню?

– Сестра Мария Магдалена. Девичья фамилия Энгельман⁸, – сказала Тина.

– Какое подходящее имя для святой, – цинично прокомментировал Снейдер. – Что еще мы о ней знаем?

– Ей шестьдесят пять лет, была замужем, но рано овдовела. После смерти мужа она в двадцать пять лет ушла в монастырь, где была сестрой, но три недели назад...

– Вышла из монастыря?

Тина кивнула.

⁸ От нем. Engel – ангел.

– Я думал, это не так просто? – Снейдер наморщил лоб.

– Она запросила разрешение на выход из монашества по состоянию здоровья и, очевидно, из-за психических проблем, – объяснила Тина. – Соответствующая конгрегация Ватикана освободила ее от обета и отпустила на один год.

– И где она провела последние три недели?

Тина пожала плечами.

– Этого никто не знает. Нет никакой информации о месте жительства, и я не нашла никого, кто имел бы с ней контакт.

– Похоже, это решающий момент, – сказал Снейдер. – Что вы еще выяснили? На что она собиралась жить? На сбережения?

– Понятия не имею. У нее есть младший брат, Зено Энгельман, разница в возрасте шесть лет. В настоящий момент я еще не установила его место жительства. Это все.

– Он нам нужен, – решил Снейдер и посмотрел на Сабину: – А вы что выяснили?

– Вальтер Граймс провел последние три года на пенсии недалеко от Браунау-ам-Инн. Небольшой домик с садом, где он выращивал фрукты, овощи и зелень. Жены и семьи нет. Я разговаривала с его соседом. Он вел тихую жизнь и иногда помогал в местном цветочном магазине.

– Безупречный садовник из женского монастыря, – недовольно резюмировал Снейдер.

– Не обязательно, – возразила Сабина. – В начале семидесятых, когда Граймс отвечал за монастырские сад и лес, Бруггталь пользовался плохой репутацией. Набожных сестер называли *иллюхами Сатаны*.

Снейдер приподнял одну бровь.

– Я так и думала, что вас это заинтересует. Ходили слухи, – продолжила Сабина, – будто в определенном флигеле монастыря – интернате – молодые монашки на протяжении многих лет регулярно подвергались насилию.

– Со стороны Граймса?

Сабина помотала головой.

– Якобы нет. Он не имел к этому отношения. Я разговаривала с бургомистром и секретаршей муниципалитета Браунау. Согласно слухам, никто из немногих мужчин, работавших в монастыре, – электрик, плотник или повар, – тоже не был к этому причастен. Жители деревни рассказывали друг другу, что монашек продавали. Разные мужчины платили за надругательство над женщинами.

– И кто же называл этих женщин *иллюхами Сатаны*?

– Тогдашняя настоятельница монастыря, которая была известна своим религиозным фанатизмом.

– Wat in gods naam!⁹ – вырвалось у Снейдера. – Но она же могла предотвратить насилие. Это не имеет смысла!

Сабина пожала плечами, и они молчали некоторое время. Наконец Снейдер открыл какую-то папку на своем ноутбуке. Это были фотографии монашки, сделанные камерами наблюдения. Снейдер приблизил два изображения – шрамы на шее, запястьях и тыльной стороне кистей. Он подвинул ноутбук к Сабине и Тине.

– Что вы об этом думаете?

– Я немного разбираюсь в татуировках, клеймении и шрамах, – пробормотала Тина. – Не похоже, чтобы кто-то нанес ей эти шрамы.

Снейдер кивнул, соглашаясь.

– Угол порезов?

⁹ Какого черта! (*нидерл.*).

– Именно, – подтвердила Тина. – И слева шрамы глубже и шире, что указывает на правшу. Предположительно, она сама себя порезала. Судя по сетке шрамов, несколько десятилетий назад. Но почему?

– Чтобы сделать себя непривлекательной для насильников или наказать за что-то? – предположил Снейдер. – Или потому, что пыталась лишиться себя жизни? – Он захлопнул ноутбук и поднялся. – Пришло время поговорить с Магдаленой Энгельман.

Глава 11

Первое, что почувствовала Сабина, когда одна вошла в комнату для допросов 2В, – запах мятного масла испарился. Несмотря на работающий кондиционер, внутри пахло застоявшимся воздухом. Но еще больше ее поразило другое: хотя монашка по-прежнему была в своем черном одеянии, головное покрывало она сняла. Ее густые длинные седые волосы были собраны в пучок. Кроме того, с нее сняли наручники, потому что она все равно находилась под постоянным наблюдением.

Сабина села за стол напротив монахини.

– Доброе утро.

Монахиня удивленно взглянула на настенные часы. Было половина десятого.

– Доброе утро, дорогая. Уже поздно. Я рассчитывала увидеть вас гораздо раньше. Вы плохо спали?

Сейчас тебе будет не до подколов, – подумала Сабина, но ничего не сказала.

В следующий момент дверь опять открылась, и вошел Снейдер. Сабина не обернулась, а наблюдала за реакцией монахини. Правда, та ничуть не удивилась, только довольно заулыбалась. Сабина задавалась вопросом, сохранит ли женщина эту загадочную улыбку еще шесть дней. Потому что она знала – терпение Снейдера подобно наполовину сгоревшему фитилю на бочке с порохом, которая стоит рядом с контейнером, наполненным нитроглицерином.

– Как я вижу, вы аннулировали свое заявление об увольнении, – заключила монахиня. – Это смерть Вальтера Граймса заставила вас передумать?

Снейдер оставался невозмутимым.

– Паршивый пес не заслужил ничего иного, как быть медленно разъеденным кислотой, после всего, что он вам причинил, – холодно произнес он.

– О, он ничего мне не сделал, – возразила Магдалена.

Снейдер посмотрел на Сабину с многозначительным видом.

– Тогда почему он должен был умереть?

– Этого я не могу вам сказать.

Опять началось это дерьмо, – выругалась про себя Сабина, беспокойно качая ногой под столом.

Магдалена больше ничего не сказала, и Снейдер тоже никак не отреагировал. Так как в комнате было только два стула, Снейдеру пришлось стоять. Правда, он этим ловко воспользовался и прислонился к большому зеркалу на стене. Поэтому монашка была вынуждена смотреть в сторону стекла, если хотела с ним говорить. И камера снимала ее реакции крупным планом. Если Снейдер не будет уверен, правильно ли истолковал ее мимику или жесты, он сможет еще раз посмотреть видеоматериалы.

– Почему вы стали монахиней? – спросил он.

– *Проверьте, Гермия, свои желанья*, – торжественно произнесла она с высоко поднятой головой. – *Внемлите юности, спросите кровь: посылно ль вам... покровами монахини облечься...*

Это звучало как цитата.

– Шекспир, – словно между делом пробормотал Снейдер, будто всю жизнь ничего не делал, а только и читал сочинения Шекспира. – Значит, вы носите монашеские одежды, потому что все остальное вам непосильно, – заключил он. – Что именно вам не по силам?

Она снисходительно улыбнулась.

– Бог запретил мне говорить об этом. Вы должны сами выяснить. Это ваша задача. У вас есть еще шесть дней.

Если у вас не получится, то каждый вечер будет умирать по одному человеку.

- Если не получится *что?* – уточнил Снейдер.
- Если вы не выясните взаимосвязи.
- И вы не можете мне в этом помочь?
- Я инструмент Бога, я сдвинула дело с мертвой точки, остальное в Его руках.

Снейдер задумался, его взгляд расфокусировался. На лице отражалась работа, кипящая в мозгу. *Но какая?* По прошествии всех этих лет Сабина все еще не знала, что именно происходит в голове этого человека. Снейдер обожал загадки и охоту на убийц. Это единственное, что он действительно хорошо умел делать. И подтверждение тому высокий процент раскрываемости преступлений. Только он умел – если самоотверженно выкуривал необходимое количество косячков – с помощью самостоятельно разработанного метода «визионерского видения» проникать в мозг убийц. Но сейчас был другой случай. На этот раз они уже знали, кто убийца. И доступ к мыслям монахини был словно перекрыт для Снейдера непроницаемым брандмауэром.

Наконец его взгляд прояснился.

- Какие ваши требования?

Очевидно, это был решающий вопрос, потому что монашка засучила рукава и перегнулась через стол.

– Каждый день вы будете получать от меня *одну* ключевую подсказку. Но за это я хочу, чтобы вы также ежедневно информировали прессу о событиях и о том, как продвигается ваше расследование. А на седьмой, и последний, день – день, когда Бог отдыхал, потому что завершил свой труд, – я хочу большую пресс-конференцию.

Сабина поерзала на стуле. *Это же сумасшествие! Он никогда на это не пойдет.*

– О'кей, – небрежно бросил Снейдер. – Вы получите вашу шумиху в СМИ. Не могу обещать, что мы попадем на первые страницы уже сегодня вечером, но статья с размещением внутри газеты и двадцатисекундное сообщение в вечернем телевизионном выпуске новостей у нас получится.

- Вы сможете предоставить мне доказательства?
- Конечно.

Сабина пыталась не выдать своего изумления – но это было и не нужно. Сестра Магдалена смотрела только на Снейдера. Ее глаза горели. Губы стали полнее.

- Итак, – потребовал Снейдер, – что вы можете нам предложить?

Она вытянула руки и повернула ладонями кверху.

- Давайте помолимся.

Снейдер – и помолимся! Сабина чуть было не рассмеялась в голос. Но Снейдер в очередной раз удивил ее.

– Хорошо. – Он бросил требовательный взгляд на Сабину, и та поднялась и уступила ему стул. Резким движением он сбросил пиджак, повесил его на спинку стула и сел напротив монашки.

- У вас красивый костюм, – заметила Магдалена.
- Сшит на заказ у *Steenweg en Zonen* в Роттердаме, – пробурчал он и протянул женщине руки.

Она разглядывала татуированные точки и следы прокола на тыльной стороне его ладоней.

- Вы ранены.

– Акупунктурные иглы, – кратко объяснил он. – Я страдаю от кластерных головных болей. С помощью игл я вытягиваю боль из точек выхода нервов.

- Вы так много о себе рассказываете? – удивилась она.

– Поверьте мне, там, куда вы отправитесь после завершения данного дела, эти знания вам никак не пригодятся, – холодно сказал Снейдер. – Я позабочусь о том, чтобы вас упрятали за

решетку минимум на тридцать лет. Если по окончании срока заключения *вы* еще будете живы, то *я*, скорее всего, буду уже давно мертв. Так что какая разница?

Она улыбнулась.

– Ваша честность освежает.

– Я играю открытыми картами и ожидаю того же от вас. *Quid pro quo*¹⁰.

Она кивнула и взяла его руки.

– *Quid pro quo*. – Неожиданно ее тон изменился. – Только если вы глубоко верите, Мартен Сомерсет Снейдер, то сможете раскрыть это дело! Помолимся.

Сабина внутренне содрогнулась. *Сомерсет*. Монашка действительно знала второе имя Снейдера. Но откуда? Ей самой Снейдер раскрыл его много лет назад во время первого совместного дела в Вене. Отец Снейдера был продавцом книг и почитателем Уильяма Сомерсета Моэма. Но эту информацию больше никто не знал – а те, кто знали, уже умерли.

Когда Сабина снова взяла себя в руки, молитва была уже в полном разгаре. Магдалена крепко держала руки Снейдера и декламировала «Отче наш» сильным низким голосом, который звучал совсем не так, как привычное монотонное пение в церкви.

Пока монашка молилась с закрытыми глазами, Снейдер сосредоточенно ее рассматривал.

Но что-то было не так. Сабина ощутила какую-то ошибку. Но какую?

Когда после «Радуйся, Мария, благодати полная!» монахиня во второй раз прочитала «Отче наш», Сабина заметила ошибку. Та не сказала «*Не введи нас в искушение*», а немного изменила текст.

– ...выведи нас из искушения и избавь нас от лукавых, ибо Твое есть Царство и сила и слава...

Выведи нас *из* искушения!

Это был личный вариант монашки? Или другая, более старая интерпретация? *И возможно, она даже правильная?* – задумалась Сабина. Зачем Богу вводить людей в искушение? Разве это не задача дьявола и змеи в Раю? Вместо этого Бог должен, скорее, выводить людей из искушения Сатаны.

Пока Сабина, убаюканная молитвой, погрузилась в свои мысли, Снейдер неожиданно вскочил, схватил монашку за руку и задрал рукав до самого локтя.

Та оборвала молитву и закричала:

– Отпустите меня! Мне больно! – Она пробовала сопротивляться, но Снейдер крепко держал ее.

Сердце Сабины бешено колотилось. Обычно после такой выходки о следующих допросах можно было забыть, и адвокат потребовал бы отстранения Снейдера, но это его не остановило. Теперь он поднял ей и другой рукав.

На левом запястье была черная роза с шипами, на правом предплечье еще одна татуировка. Снова в сдержанном черном цвете. Две головы, смотрящие в разные стороны.

Монахиня вырвалась и натянула рукава платья до самых запястий.

Возможно, татуировки и есть подсказки! – промелькнуло в голове у Сабины.

– Вы злоупотребили моим доверием, – набросилась тем временем монахиня на Снейдера.

Тот молча поднялся и надел пиджак.

– Вы злоупотребили Словом Божьим и моим доверием! – повторила она, на этот раз громче и с упреком.

– Что касается злоупотребления и издевательств, у вас, похоже, есть опыт жертвы, – парировал он.

Сабина сглотнула. Это было сильно!

¹⁰ Услуга за услугу (*лат.*).

Глаза у монашки вспыхнули. В ее взгляде читались ненависть, бешенство, ярость и невероятное презрение.

– Что с пресс-конференцией? – злобно прошипела она.

– Никакой прессы для вас не будет, – ответил Снейдер.

– Тогда вы не получите от меня никаких подсказок!

– Я не позволю себя шантажировать. Для вас не будет никакой шумихи в прессе. Ни сегодня, ни на седьмой день! – Он развернулся и направился к двери.

– Вы играете нечестно! – выкрикнула она ему вслед.

Ошеломленная Сабина стояла рядом.

– Нечестно? – крикнул Снейдер, повернулся и снова подошел к столу. – Если вы хотите, чтобы БКА играло с вами честно, не надо было требовать меня. Я охочусь на убийц, и в данный момент – на *вас*. Всеми имеющимися у меня средствами. – Затем он покинул комнату.

Глава 12

Техник, который записывал допрос, вскочил и с растерянным видом уставился на Снейдера.

– Мне кажется, вы...

– Что? Зашел слишком далеко? Я только начал, – признался Снейдер. – Оставьте нас ненадолго одних, – приказал он.

Сабина никак не прокомментировала случившееся. Она ждала, пока коллега выйдет из комнаты.

– Было умно так закончить разговор? – спросила она.

Снейдер на это ничего не ответил.

– Откуда вы знали, что это цитата из Шекспира? – продолжила Сабина.

– А для вас она прозвучала, как цитата из Библии? – ответил Снейдер.

– Нет.

– Вот именно. Тогда это могут быть только Шекспир, Гете или Шиллер. И у меня не возникло ощущения, что она предпочитает немецкую литературу.

– Вы просто угадали?! – удивленно констатировала Сабина.

И на этот раз ответа не последовало.

– Она неправильно прочитала «Отче наш», – заметил он.

– Не обязательно неправильно, но, по крайней мере, по-другому. Она сказала: выведи нас из искушения.

– Не только это, – пробормотал Снейдер. – Она изменила еще одно место.

Еще одно? Она этого даже не заметила.

– Какое?

– Она сказала не избавь нас от лукавого, а избавь нас от лукавых.

Сабина порылась в памяти. Действительно!

– И как вы это объясните?

– Она говорит не о *лукавом* в общем, а персонализирует его. В ее глазах *лукавые* – определенная группа людей, против которых она хочет что-то предпринять.

– Семь человек, если быть точными.

Снейдер кивнул.

– Думаю, мы достаточно выяснили. Пришло время действовать.

Через пять минут Снейдер стоял в смотровой комнате для допросов перед группой мужчин и женщин в униформе, которые отвечали не только за внутреннюю безопасность, но и за людей, находящихся под стражей в главном здании БКА.

Снейдер кивком указал на стеклянную стену.

– Вы видите Магдалену Энгельман, бывшую сестру монастыря урсулинок, шестидесяти пяти лет. Ее подозревают в убийстве мужчины, и предположительно она убьет еще шестерых...

– Снейдер сделал паузу, – если мы ее не остановим.

Коллеги посмотрели сначала на арестованную, потом на Снейдера. Сабина держалась чуть поодаль и наблюдала за сценой.

– По этой причине мы будем действовать не так, как обычно. Могу заверить вас, что наши методы одобрены высшим руководством БКА. Но если кто-то чувствует себя при этом неуютно, может сейчас уйти. Это не будет иметь нежелательных последствий для вашей карьеры в БКА. Если же решите остаться, вы должны идти до конца, пути назад нет. Вы поняли?

Все кивнули.

– Круг посвященных будет оставаться максимально узким, а то, что мы выясним, официально не должно нигде всплыть, – продолжал Снейдер. – Кто-нибудь хочет отказаться?

Все остались стоять.

Сабина с облегчением выдохнула. Она сама выбрала этих коллег и надеялась, что никто из них не испугается.

– Хорошо. Другого я от вас не ожидал. – На лице Снейдера промелькнуло подобие улыбки, затем он снова посерьезнел. – В ближайшие шесть дней Магдалена Энгельман останется под стражей в этой комнате, без передачи судье и официального оформления в СИЗО. Никакой информации для прессы. Адвокат ей также не будет предоставлен, потому что, пока эта женщина находится у нас в здании, у нее нет никаких прав.

Некоторые коллеги хмыкнули, но никто не возразил.

– Эта женщина находится в комнате уже более двадцати четырех часов и лишь пару раз отлучалась в туалет. Я хочу, чтобы вы ее раздели и отправили в душ. При этом мне важно следующее: у нее две татуировки на запястье и предплечье, что необычно для монахини в ее возрасте. Полагаю, это подсказки. Обследуйте ее тело на наличие других татуировок. Я хочу получить отличные фотографии. Кроме того, на эти снимки должен взглянуть специалист по татуировкам. Я хочу узнать о них все. Какая это техника, *кто* их сделал и, прежде всего, *когда* это произошло.

Некоторые коллеги стали проявлять беспокойство, но Сабина боялась, что Снейдер еще далеко не закончил свои разъяснения.

– Кроме того, мне нужен отчет о полном медицинском обследовании этой женщины, включая заключение гинеколога.

По комнате снова пробежал ропот. Одна коллега в ужасе уставилась на Снейдера.

– Против воли женщины? Как в Гуантанамо?

– Если хотите, можете убедить монашку. Мне все равно, как вы это устроите, главное – сделайте!

– Наверняка нам придется ее к этому принудить.

Снейдер не ответил.

– Самое позднее завтра утром я хочу видеть отчеты у меня на столе.

Через полчаса Сабина и Тина сидели у Снейдера в кабинете. В воздухе висела привычная смесь ароматов ванильного чая и марихуаны.

– Если пресса узнает, как мы действуем, журналисты нас четвертуют, – сказала Тина.

Выражение лица Снейдера оставалось суровым.

– Если умрут еще шестеро, они и так это сделают – так что будем переживать, когда наступит время.

– Вы смогли рассмотреть вторую татуировку? – спросила Сабина, чтобы сменить тему.

Снейдер взял карандаш и лист бумаги и набросал две головы, сросшиеся затылками. Во всяком случае, локоны плавно переходили друг в друга. Оба лица смотрели в противоположные стороны. Пожилой мужчина с бородой и юноша.

– Янус? – предположила Тина.

– Один из старейших богов древнеримской мифологии, – подтвердил Снейдер. – Двуликий бог начала и конца.

– Как это связано с другой татуировкой в виде черной розы? – спросила Сабина.

Снейдер пожал плечами.

– Мы узнаем это, когда коллеги закончат обследование монашки.

Тина указала на эскиз.

– А с этим что?

– Не могу себе представить, чтобы сестра ордена урсулинок, выросшая в католической вере и живущая по Евангелиям, сильно интересовалась мифологией, – ответил Снейдер. – Это не вяжется, на мой взгляд.

– Что тогда?

– Думаю, наша монашка имела в виду нечто другое: Янус – имя преступника. По крайней мере, под этим именем он числится в актах БКА.

Сабина и Тина с удивлением посмотрели на Снейдера.

– В 70-х годах он был тягачом и привозил женщин с восточных направлений в Германию. Под предлогом кастинга для фотомоделей. Подсаживал их на героин, затем принуждал к проституции и снабжал ими бордели. Наркотики, торговля людьми, проституция – все шло рука об руку. Это был огромный бизнес.

– И где именно это происходило?

– Вот решающий вопрос. В Южной Германии, а точнее – в Баварии. Его резиденция была прямо на австрийской границе...

– ...Недалеко от Браунау, – предположила Сабина.

Снейдер кивнул.

– Место и время, Бавария и 70-е годы, совпадают, – резюмировала Тина. – Янус того же возраста, что и Вальтер Граймс?

Снейдер кивнул.

– Выясните, жив ли он, и если да, то где сейчас проживает. Он может стать следующей жертвой.

– Если это правда, то вот причина, почему Магдалена Энгельман потребовала вас, – она знала, что вы помните Януса и его махинации.

– Возможно. В любом случае, кажется, она хочет отвести мне ключевую роль в этом деле. – Похоже, Снейдер совсем не чувствовал себя польщенным. – Но сначала посмотрим, прав ли я.

Он поднялся, поправил воротник рубашки и запонки.

– Если да, то я полагаю, наш путь лежит в Баварию. – Он взглянул на наручные часы, Swatch в цветах нидерландского флага. – Сейчас начало двенадцатого. Встретимся через три часа на вертолетной площадке академии. К тому времени возьмите акты Януса из архива и свяжитесь с ним. А мне еще нужно уладить кое-какие личные дела.

Глава 13

Вообще, Снейдер собирался на юг к недействующей паромной пристани на берегу Майна, где стояла хижина из гофрированного листового железа, когда-то принадлежавшая паромщику. Там уже давно жил польский экс-солдат и бывший наемный убийца, которого Снейдер более двадцати одного года назад отправил за решетку.

Кржистоф.

К этому времени он уже освободился, и Снейдер регулярно его навещал, заботился о том, чтобы у него была работа и приличный образ жизни – насколько в случае Кржистофа можно говорить о приличиях.

Но когда Снейдер набрал номер Кржистофа, чтобы предупредить о своем визите, автоответчик поляка лишь кратко сообщил ему: «Я в Вайтерштадте!»

– Нет, нет, нет! – раздраженно пробурчал Снейдер и немедленно позвонил в службу исполнения наказаний. Там он узнал, что Кржистоф уже два дня сидит в тюрьме.

– Verdomme! – прорычал Снейдер, после того как поговорил с сотрудником, и со всего маху грохнул телефон на стол.

Затем, недолго думая, поехал на такси в колонию Вайтерштадт, в сорока километрах от Висбадена, где показал охраннику свое служебное удостоверение, переговорил с директором о Кржистофе и попросил о срочной встрече с заключенным.

Десять минут спустя Снейдер уже ждал в комнате посещений, когда Кржистоф закончит свою смену на кухне и его приведут в секцию здания для посетителей.

В начале первого дверь наконец открылась и Кржистофа завели в тесную комнату с зарешеченным окном, где стояли только прикрученный к полу стол и два стула. Длинные седые волосы поляка были завязаны в хвост, рукава оранжевого комбинезона закатаны, на ногах были растоптанные кеды, а на запястьях он по-прежнему носил широкие кожаные браслеты.

Кржистоф был на голову ниже Снейдера, но невероятно крепкого и мускулистого телосложения. Его ладони были размером почти с крышку для унитаза, а пальцы такие сильные, что он легко мог одной рукой раздавить глотку взрослому мужчине – что он раньше и делал без колебаний. Но теперь он уже выглядел на свои шестьдесят шесть, прежняя энергия иссякла, в бесцветных глазах, окаймленных темными кругами, читались тревога и печаль.

Кржистоф сел у другого конца стола, коротко кивнул в знак приветствия и удивленно отметил, что охранник оставил их в комнате одних и запер за собой дверь.

– Непривычно, что я остаюсь один с посетителем.

– Особые полномочия БКА.

Кржистоф усмехнулся.

– Значит, ван Нистельрой, старый сукин сын, тебе их одобрил?

– Спустя девять месяцев. – Снейдер кивнул. – И наш разговор не прослушивают и не записывают на камеру.

– А если ты передашь мне сейчас пилочку? – спросил Кржистоф.

– Тебе придется пронести ее в камеру в своей узкой заднице, но она вряд ли туда поместится, – ответил Снейдер.

Кржистоф снова ухмыльнулся.

– Насчет задницы – извини за ассоциацию, – но ты все еще один или у тебя уже снова появился спутник?

Снейдер проигнорировал вопрос.

– Значит, ты опять гей только в теории, – заключил Кржистоф, затем понизил голос. – Тебе нужно прийти ко мне в тюрьму, Снейдер, здесь у тебя будет сколько угодно секса – и жесткого, как ты любишь. – Он громко засмеялся и вытер слезы.

– Без любви?

– Знаешь, секс без любви лучше, чем никакого секса. – Кржистоф снова рассмеялся.

– Похоже, ты по-настоящему наслаждаешься временем здесь, – заключил Снейдер.

– Да, но не пойми меня неправильно, я не участвую во всей этой гомошайке. К сожалению, педикам приходится обходиться без меня.

Я бы удивился, если бы кто-то дотронулся до Кржистофа. Несмотря на возраст, рефлекс у него все еще, как у бешеного волка, – подумал Снейдер.

– Да, в тюрьме может быть одиноко, но я вообще-то хотел...

Кржистоф перегнулся через стол и понизил голос:

– Знаешь, у меня все еще есть коробка с DVD, которую ты подарил мне в прошлом году. «Доктор Куин, женщина-врач», с Джейн Сеймур. – Он произнес имя с особенным ударением. – Преимущество в том, что не нужно наряжаться, чтобы подрочить. – Он опять ухмыльнулся.

Wat in gods naam? Снейдер перевел дух.

– Спасибо за картинку в моей голове. Мы теперь можем сменить тему?

– Это ведь ты начал!

Так дело не продвинется. Хотя Кржистоф и был одним из немногих людей, от которых Снейдер терпел подобные ответы, – он приехал сюда не ради удовольствия.

– Я буду краток. – Снейдер поднял руку и оттопырил три пальца, его типичный жест, которым он сигнализировал, что за недостатком времени хочет описать обстоятельства дела тремя короткими четкими предложениями. – Во-первых...

– Что это означает? – Кржистоф уставился на пальцы Снейдера. – Что ты сегодня еще и пальцем не пошевелил? – Он снова усмехнулся.

Но Снейдер больше не обращал внимания на его реплики.

– Во-первых, директор рассказал мне, что ты угодил сюда за торговлю медикаментами, отпускаемыми только по рецепту. Во-вторых, что до начала процесса ты останешься в следственном изоляторе, хотя судья на первом слушании предлагал освобождение под залог, от чего ты, однако, отказался. Ты в своем уме?

– А в-третьих? – равнодушно спросил Кржистоф.

– В-третьих, я сейчас заплачу залог и вытащу тебя отсюда.

– Двенадцать тысяч евро?

Снейдер кивнул:

– Столько у меня найдется. Ты мне нужен на свободе.

Кржистофа это предложение не особо впечатлило.

– Зачем?

– Что за идиотский вопрос? Я хочу вытащить тебя отсюда. Этого недостаточно?

– Нет.

Снейдер заскрипел зубами.

– Я собираю команду.

– Ты и команда? – Кржистоф улыбнулся. – Зачем?

– Сначала я нанесу визит Янусу.

Кржистоф приподнял одну бровь и помассировал свой щетинистый подбородок.

– Мы оба говорим об одном и том же Янусе? Торговля женщинами, контрабанда людей, наркотики, проституция, взятки и заказные убийства?

Снейдер кивнул.

Кржистоф со свистом выпустил воздух через щербинку в зубах.

– Ну и ну, полагаю, ты нуждаешься во мне, чтобы целым и невредимым подобраться к нему, верно?

Снейдер кивнул.

– Как выглядит план Б?

– Его нет.

– Хм, тогда у нас небольшая проблема. – Кржистоф откинулся на стуле и скрестил руки за головой. – Просто я остаюсь здесь.

– Что? Я оставлю залог, и до слушания ты свободный человек. Я вообще не понимаю, как ты мог злоупотребить своей работой. Было же ясно, что тебя поймают при попытке сбыть товар. Как можно быть таким идиотом?

Кржистоф немного помолчал.

– Что? – наконец не выдержал Снейдер.

– Нас действительно не прослушивают? – спросил Кржистоф.

– На это можешь положиться.

Кржистоф подался вперед, понизил голос и для верности прикрыл рот рукой, чтобы невозможно было прочитать по его губам – на случай, если за ними все же наблюдали через видеокамеру на потолке.

– Поверь мне, если бы я действительно хотел приторговывать медикаментами, то уж точно не попался бы, но я специально подставился. И отказался от залога, потому что *хотел* попасть в эту тюрьму.

Дело приобретало новый оборот.

– В *эту* тюрьму? Какого черта? Ты хочешь взорвать здание?

Кржистоф проигнорировал его слова.

– Я три месяца в отношениях, – рассказал он. – Милая женщина, которая принимает меня таким, какой я есть.

– Сложно представить.

– Спасибо, но мы действительно подходим друг другу. Я познакомился с ней, когда доставлял медикаменты. Она работает в аптеке и первая по-настоящему умная женщина, которая хочет иметь со мной дело. Можешь себе представить?

– Нет.

– И тем не менее. – Кржистоф улыбнулся и утер слезу со щеки.

Смотри-ка, он действительно влюбился. Даже не верится, что такое возможно.

– И дальше? – поторопил Снейдер.

– Майя – мать-одиночка. Ее муж погиб вскоре после рождения их дочери при крушении самолета. Он был пилотом. Эмили сейчас семь. Прелестный ребенок. Белокурые косички, веснушки, всегда смеялась и была жутко умной. Она даже умела играть на пианино Опус 67 Бетховена.

Симфония судьбы.

– Что с ней случилось?

– Шеф Майи, аптекарь, надругался над ней. В то время как Майя стояла за прилавком и продавала старухам микстуру от кашля, Эмили ждала в бытовке, пока мать закончит работу. Этот подонок ее изнасиловал. И насиловал целых пятнадцать минут! А чтобы она не кричала, зажал ей горло. – Кржистоф тяжело вздохнул, его руки дрожали.

У Снейдера перехватило горло. Он молча слушал.

– В больнице девочку зашили, потребовалось две операции, но у нее остались необратимые повреждения головного мозга. Ублюдок слишком долго перекрывал ей воздух, не только пока не кончил, но и после.

У Снейдера сжалось все внутри. На мгновение он закрыл глаза.

– Ты *сам* захотел услышать эту историю, – защищался Кржистоф. – И это еще не все. Через пару недель Майя пыталась покончить с собой, перерезала себе вены. Но я нашел ее на складе товаров, спас. С тех пор мы вместе.

– Дай я угадаю. – У Снейдера пересохло в горле. – Аптекарь сидит в этой тюрьме?

Кржистоф кивнул.

– И ты хочешь отплатить ему?

Кржистоф молчал.

Тут брови Снейдера взлетели вверх.

– Ты ведь не собираешься его... прикончить?

Кржистоф наклонился вперед и понизил голос до едва слышного шепота:

– Эта тварь всего две недели в тюрьме. И благородный господин аптекарь имеет хорошие шансы на то, чтобы выйти отсюда на основании заключения психиатрической экспертизы. И попасть в лечебно-исправительное учреждение. А ты знаешь, что это означает. Через два года он будет на свободе. После лечения и ресоциализации. А Эмили навсегда останется инвалидом. Я не могу так поступить с Майей.

– Я хорошо понимаю, что ты с удовольствием свернешь ему шею, но тем самым разрушишь собственную жизнь! – прошипел Снейдер. – Тогда Майя снова останется с дочерью одна – и ты не сможешь помочь ни ей, ни Эмили.

– Думаешь, я не ломал себе над этим голову? Но у меня нет выбора.

– Даже если тебя посадят за убийство?

Кржистоф кивнул.

– Я выйду отсюда только после того, как этот гад получит свое заслуженное наказание.

Нет, нет, нет!

– Дьяволыщина! – в конце концов вздохнул Снейдер. – Если я решу твою маленькую проблему, ты выйдешь под залог?

Кржистоф удивленно посмотрел на него.

– Конечно.

Снейдер поднялся.

– Хорошо, дай мне полчаса.

– Что ты задумал? – Кржистоф выпрямился. – Хочешь застрелить подонка?

На губах Снейдера появилась брезгливая улыбка.

– Это делается изощреннее.

Глава 14

Снейдер стоял перед комнатой посещений в колонии Вайтерштадт и просматривал дело аптекаря, которое выдали ему из архива.

У мужчины было длинное сложное двойное имя, но Снейдеру вовсе не хотелось его знать. Будет лучше, если он останется в его сознании анонимным аптекарем. Мужчина почти шестидесяти лет, с лысиной, лишним весом, фармацевтическим образованием, огромными комплексами неполноценности и наклонностями педофила. Тип без имени и фамилии. *Аптекарь*. Так и никак иначе Снейдер сохранит его в своей памяти.

– Я закончил. – Снейдер положил папку с делом на стол, при этом спрятав в рукаве ручку, которая лежала в папке. Сотрудники колонии этого не заметили.

Дверь открылась, и Снейдер вошел в комнату посещений, которая на ближайшие полчаса стала уединенной переговорной. Никакой прослушки, никакого видеонаблюдения – на этом настоял Снейдер.

Аптекарь поднял глаза. Его очки без оправы частично запотели от испарины и беспокойства. Под мышками тоже выступили большие пятна пота. На шее и руках у него была красная сыпь и корочки, видимо, потому, что он постоянно расчесывал свои гнойнички, бородавки и родинки. К тому же у него нервно подергивалось лицо. Может, это было наигранно, потому что он хотел убедить всех в своей психической невменяемости и так выпутаться из ситуации.

– Кто вы? Чего вы от меня хотите? Мой адвокат сказал мне, что я не должен ни с кем говорить. – Его голос звучал пронзительно и возбужденно, он практически захлебывался.

– Ваш адвокат абсолютно прав. – Снейдер сел на стул. – Вы не должны говорить со мной. Вы должны только слушать.

– Кто вы?

– Меня зовут Снейдер, я криминалист-аналитик и судебный психолог в Федеральном ведомстве уголовной полиции. – Он положил на стол свое удостоверение. – Я здесь, потому что волнуюсь за вас.

– Волнуетесь?

– Завтра будет оглашен результат вашей психиатрической экспертизы, – солгал Снейдер. – Он положительный. Это означает, что вы абсолютно вменяемы.

– Но...

Снейдер поднял руку.

– Вы сказали, что не хотите говорить со мной, вот и помалкивайте. Просто слушайте меня. – Он глубоко вздохнул. – Вы попадете не в лечебно-исправительное учреждение, а будете отбывать настоящий тюремный срок.

– И где же?

– Я знаю судью. На острове Остхеверзанд в Балтийском море. Остров-тюрьма строгого режима, построенная в 1933 году из увесистых мраморных валунов, с чрезвычайно мрачной историей. К сожалению, я слишком хорошо знаю ту тюрьму. Не лучшее место. Еда не такая вкусная, как в этой элитной колонии, нет бассейна и ухоженных внутренних дворов. К тому же там сидят, в основном, чеченцы, украинцы, арабы, синти и рома.

Мужчина взглянул на него.

– Цыгане?

– Если *так* скажете, вы мертвец. Но да, цыгане. Также там много серийных убийц и целая группировка неонацистов. Поэтому я здесь. Я хочу подготовить вас к тому, что ожидает в ближайшие пятнадцать лет.

– Пятнадцать лет! Этого не может быть! А почему меня вообще должны туда перевести?

– Потому что в вашем случае судебный психиатр пришел к заключению, что вы не нуждаетесь в терапии.

– Но мне *нужна* терапия. Я болен!

– Конечно. – Снейдер улыбнулся. – Так утверждает большинство в вашей ситуации. Но трюк удастся лишь единицам. А почему? Потому что вас всех легко раскусить.

– Что? Но...

– Простой пример, – перебил его Снейдер, подняв руку. – Почему вы зажимали девочке горло, когда насиловали ее?

Аптекарь почесал под мышкой.

– Почему? Девчонка хотела закричать и не умолкла бы. Ее мать стояла всего в нескольких метрах в торговом зале.

– Значит, вы не справились с ситуацией? – Снейдер наклонился вперед. – Вы испытываете приступ агрессии к маленькой семилетней девочке?

Аптекарь до крови расчесал себе предплечье.

– Мне нужно было заставить ее замолчать.

– Почему вы просто не вышли из комнаты, когда закончили?

– Я думал, что смогу успокоить девчонку.

– Получилось?

– Нет.

– Своей самонадеянностью вы уничтожили человеческую жизнь, – сказал Снейдер.

– Да, черт возьми, – выдавил мужчина.

– Один лишь этот короткий разговор показал мне, что вы холодный, расчетливый и абсолютно вменяемый человек.

– Черт! – Вместо раскаяния во взгляде мужчины читалось отчаяние. – А нельзя поговорить с судьей?

Снейдер помотал головой.

– Как уже сказал, я знаю судью, и он отец маленькой девочки.

– Вот дерьмо! – прошипел Аптекарь. – Как там в Остхеверзанде?

– Вам нужно с самого начала быть сильным. Нельзя показывать слабые стороны своим сокамерникам. Если они спросят, почему вы там, – лгите. Ведь как только они узнают, что вы на самом деле совершили... – Снейдер покачал головой. – Насильники детей стоят в самом низу иерархии, и это нужно понимать в буквальном смысле слова.

– Но я не такой сильный. Меня же не могут просто так запихнуть к этим отбросам и выродкам.

Отбросам и выродкам? Снейдер чуть было не перепрыгнул через стол, не вцепился ему в глотку и со всей силы не треснул головой о стол.

– Вы справитесь, – вместо этого сказал он. – Вам просто нельзя каждую минуту жизни бояться или представлять, что может случиться в следующий момент. Что к вам под одеяло может забраться сокамерник. Постоянно жить в страхе перед тем, что произойдет следующей ночью, во дворе под открытым небом, в прачечной, мастерской или в кладовке с моющими средствами. Слышите, вам нельзя об этом думать!

– Да, конечно... – Аптекарь до крови искусал себе ноготь.

– Как я сказал, никакой слабости. Потому что если это начнется, то уже никогда не закончится. Даже одна неделя может тянуться чертовски долго. Пятнадцать лет вы так не выдержите.

– Но *если* это случится? – взвыл он.

– Ни в коем случае не зовите охранников, они вам не помогут. Это все только усугубит. Вы можете рассчитывать исключительно на себя. И если решите сопротивляться в самый первый раз, то вы *обязаны* одержать верх. Это важно! Иначе это их еще больше спровоцирует.

– Но если я не смогу?

– Тогда вам придется подчиниться. И так будет происходить каждую ночь, я гарантирую... и каждую ночь это будет все жестче. Я видел мужчин с такими тяжелыми повреждениями, что они умирали.

Аптекарь сглотнул.

– Умирали?

Снейдер махнул рукой.

– Вы не захотите это слышать.

– Почему? – настаивал Аптекарь.

– Все начинается с боли в животе. Небольшой разрыв кишки между анальным отверстием и мошонкой. Через него кишечные бактерии проникают в брюшную полость. Если вовремя не начать лечение, через двадцать четыре часа вы мертвец.

Аптекарь молчал.

Снейдер задумался.

– Вы были честны со мной, поэтому я похлопчу за вас и попрошу заключенных оставить вас в покое. Если повезет, у вас хотя бы вначале будет отсрочка. Потом вам придется держаться самому. Всегда думайте о том, что однажды вы выйдете и будете вести нормальную жизнь.

– Мне будет уже за семьдесят. – Аптекарь уставился мимо Снейдера в никуда.

– Это единственный совет, который я могу вам дать, – сказал Снейдер. – Учитесь быть сильным, так вы лучше всего переживете это время.

Аптекарь посмотрел на него, его нижняя губа дрожала.

– Вы за этим пришли сюда? Чтобы сказать мне это?

Снейдер кивнул.

– Это превентивная мера. Мне совсем не хочется расследовать еще одно самоубийство в Остхеверзанде. – Он поднялся и положил Аптекарю руку на плечо. – Всего хорошего.

– Я вас еще увижу? – взвизгнул мужчина.

– Нет – вас уже завтра переведут в Остхеверзанд.

Снейдер вышел, оставив на столе ручку.

Затем Снейдер выпил крепкий кофе. Он догадывался, что сейчас произойдет, и пытался тщательно стереть разговор из памяти. Навсегда! Чтобы осталось лишь анонимизированное воспоминание о жирном бледном типе.

Гони это от себя!

Идя по коридору, он пытался думать о чем-то позитивном, старался представить, как Кржистоф с Майей и Эмили проводят будущие выходные – как более или менее нормальная счастливая семья, насколько это вообще возможно после случившегося.

Но потом внутренний голос, где-то глубоко в душе, сказал ему, что он ни на йоту не лучше монахини, которую собирался припереть к стенке. Ненависть, злоба, ярость, месть, возмездие – разве он руководствовался не теми же мотивами, по которым она убивала? *Да, ты такой же, как она.*

Нет, не такой! Я предоставил взрослому мужчине выбор.

Ты им манипулировал!

Как он поступит – только его решение. И если он действительно это сделает, то ничего другого и не заслужил. Каждый человек имеет право быть собственным судьей и палачом.

Резкий вой сирены пронзил Снейдера до костей. Неожиданно охранники, стоявшие в коридоре, засуетились. Все побежали к комнате посещений.

Только Снейдер остался стоять на месте. Он почувствовал тяжесть в желудке, словно там лежал тяжелый камень, его начало подташнивать. Снейдер проигнорировал горький привкус во рту, глубоко вдохнул, смял пустой пластиковый стаканчик, бросил его в мусорное ведро и пошел дальше.

Спустя полчаса Снейдер перевел двенадцать тысяч евро на банковский счет Высшего земельного суда и выслал судье подтверждение о переводе, после чего тот распорядился об освобождении Кржистофа.

Вскоре Снейдер снова сидел напротив Кржистофа.

– Что это была за сирена? – спросил поляк.

– Аптекарь покончил с собой.

– Вау. – Кржистоф, лишившись дара речи, уставился на Снейдера.

Ручкой. Вообще-то Снейдер рассчитывал, что Аптекарь вскроет себе обе артерии металлическим зажимом от ручки. Но вместо этого тот всадил себе стержень в гортань и упал шеей на край стола, чтобы глубже загнать ручку в горло. На глазах охранников. И потом за несколько секунд задохнулся собственной кровью... или лучше сказать, *захлебнулся*.

Эффективно.

Будучи аптекарем, он знал, как это работает.

– Ты хреново выглядишь, – заметил Кржистоф.

– У меня все отлично, – солгал Снейдер. Его голос прозвучал хрипло. – Мы можем идти?

– Я готов, – сказал Кржистоф. – Только должен подписать несколько формуляров и забрать свои вещи.

– Поторопись, у нас не так много времени. – Снейдер почувствовал, что на лбу выступила испарина.

Кржистоф поднялся.

– Да, я быстро, чтобы ты мог выйти на свежий воздух.

Глава 15

Около 14 часов Сабина и Тина сидели в вертолете на вертолетной площадке академии. Пилот уже прогревал двигатель, когда шлагбаум перед будкой охранника поднялся и на территорию заехало такси.

Тина толкнула Сабину локтем в бок.

– Смотри! – прогудел Тинин голос в наушниках Сабины.

Она перевела взгляд на такси. Из машины вышел Снейдер, а за ним седой мужчина чуть ниже ростом, который хорошо смотрелся в джинсах, ботинках на шнуровке, футболке в рубчик и черной ветровке.

– С ума сойти, – вырвалось у Сабины. – Это же Кржистоф.

Оба мужчины, втянув голову в плечи, пересекли площадку. После того как поляк взобрался на борт вертолета, Снейдер запрыгнул на последнее свободное место в передней части за кабиной пилота, пристегнулся и вращающим движением показал пилоту, что можно взлетать.

Вертолет тут же пришел в движение и взмыл ввысь. Пилот слегка накренил нос машины и направил ее на юг. Со скоростью около 300 километров в час они быстро доберутся до цели.

– Добро пожаловать в команду, – сказала Сабина, когда Кржистоф надел наушники.

– Мартен, старый говнюк, скрыл от меня, что с нами будут две дамы, иначе я бы потопился.

Сабина и Тина заулыбались, и поляк поприветствовал их, стукнувшись с ними кулаками.

Теперь и Снейдер надел наушники.

– Что такого смешного?

– Вы не захотите этого знать, – ответила Тина. Она взглянула на Кржистофа: – Снейдер вытащил вас прямо из тюрьмы?

Кржистоф прищурился.

– Вы не только симпатичная, но и чертовски умная. Откуда вы это знаете?

Тина указала на пальцы Кржистофа.

– В комиссариатах полиции отпечатки пальцев сканируют, а в некоторых тюрьмах все еще берут с помощью чернил и бумаги. У вас на подушечках пальцев осталась черная краска.

– Колония Вайтерштадт. – Кржистоф изобразил уважение на лице. Потом широким пространственным жестом указал внутрь кабины. – Все так быстро происходит.

– Особые полномочия БКА, – кратко пояснила Сабина.

– Я уже слышал, – кивнул Кржистоф. – Снейдер испытывает терпение ван Нистельроя.

– Это только начало! – крикнул Снейдер, который слышал разговор. – А теперь хватит болтать попусту. – Он перегнулся назад и прикрепил Кржистофу к куртке удостоверение сотрудника БКА. – Теперь оно будет у тебя. – Затем взглянул на Сабину: – Куда именно мы летим?

– К Бах-ан-дер-Донау на краю Баварского леса, – ответила она. – Там у Януса уже несколько лет загородная резиденция.

Снейдер постучал пилота по плечу:

– Какой у нас маршрут полета?

– Почти по прямой на юг, а от Регенсбурга вдоль Дуная, – услышала Сабина ответ мужчины через свои наушники. – Будем на месте через семьдесят минут.

– Хорошо. – Снейдер кивнул. – До того времени нам есть что обсудить.

– Я тоже так думаю, – добавила Тина, – потому что нам не удалось установить с Янусом контакт.

Снейдер скривился.

– Тогда, к сожалению, придется застать его врасплох.

В начале четвертого они пересекли земельный участок Януса, который располагался всего в нескольких километрах от Дуная, в поисках подходящего места для посадки. Наконец нашлась достаточно большая поляна, окруженная соснами, подходящая для посадки. От этого места до огромной, в несколько этажей виллы было всего около пятидесяти метров.

Не успел вертолет коснуться травы, как с просторной террасы, огибающей вилу, по лестнице сбегали двое мужчин с винтовками на изготовку.

Снейдер открыл дверь, и они с Кржистофом первыми спрыгнули с вертолета. Мужчины их уже ждали.

– Федеральное ведомство уголовной полиции Висбадена! – прокричал Снейдер через шум пропеллера и предъявил свое служебное удостоверение.

– Что вы хотите? У вас вообще есть разрешение на посадку здесь и ордер на обыск? – крикнул один из вооруженных мужчин, даже не взглянув на удостоверение.

– Нам не нужно! – проревел Снейдер тоном, который показывал, что он ненавидит умников. – Мы хотим лишь перекинуться парой слов с Янусом.

– У вас назначена встреча? Если да, то...

Снейдер вытащил из пиджака распоряжение о временных особых полномочиях, подписанное ван Нистельроем.

– Если он немедленно нас не примет, то мы приземлимся на вертолете прямо в гостиной этой виллы.

Пока один из мужчин, опустив оружие, читал документ, Кржистоф быстрым движением выхватил у другого винтовку и отогнал того на расстояние.

– Эй! – крикнул парень, который все еще держал в руке распоряжение.

Тут из вертолета выпрыгнули Сабина и Тина. Оба мужчины отвлеклись, и Снейдер схватился за ствол второй винтовки и выдернул ее из руки владельца.

– Не нервничайте. Разговор продлится недолго.

Ошарашенные, оба охранника пялились на Снейдера. Тот передал Сабине винтовку, русский карабин, а она тут же вытряхнула из ствола патроны.

Так как Кржистофу, находившемуся под залогом, официально нельзя было даже нюхать оружейное масло, он передал свой карабин Тине. Затем схватил рацию с пояса охранника. В этот момент в динамике уже щелкнуло.

– Что там происходит снаружи? Чего хотят эти типы? Пусть убираются нахрен со своим вертолетом! – слышалось из рации.

Кржистоф поднес прибор ко рту:

– Следи за языком, приятель, мы пока пришли с миром.

Постепенно лопасти пропеллера успокоились, но поток воздуха все равно гонял по лужайке несколько салфеток с террасы и трепал разноцветные шары с гелием, привязанные к мраморной балюстраде.

Пахло лошадиным навозом – этот запах будил в Сабине приятные детские воспоминания, потому что она выросла недалеко от Мюнхена на ферме у бабушки с бабушкой среди лошадей и коров. Земельное владение Януса включало в себя конный завод и собственный лес; общая территория участка была огромная, им потребовалась не одна минута, чтобы пересечь его на вертолете, и Сабина насчитала несколько конюшен и площадок для паркура. Но, будучи многократным миллионером, Янус мог себе это позволить.

Возглавляемая Снейдером, их маленькая группа с обоими уже безоружными охранниками направилась по гравийной дорожке к мраморной лестнице.

– Что за вечеринка намечается? – спросил Снейдер, когда они поднялись по ступеням.

– Сегодня суббота, тринадцатое мая, – прокричал охранник, словно этим все было сказано.

– И что?

– Сегодня вечером состоится праздник в честь дня рождения обоих сыновей Януса.

– У него еще такие маленькие дети? – Снейдер ткнул в два воздушных шара, на которых стояли цифры *пятнадцать* и *семнадцать*. – В их возрасте им не должно быть неловко?

– Если хотите знать больше, спросите шефа, – сказал охранник.

Они дошли до веранды. Под зонтами от солнца стояла дюжина столов, накрытых для роскошного приема.

Сабина взяла одно из разложенных меню и заглянула в него. *Недурно!* Порядок подачи блюд был написан по-польски, и Сабина смогла немного перевести. Что-то вроде жареной на гриле курицы с картофельным кубом и голландским соусом. Похоже, они вломились сюда в самый разгар подготовки к пышному празднеству. В конце террасы Сабина заметила даже сцену для джазового ансамбля. Инструменты уже стояли на своих местах, среди прочего и старая шарманка с заводной ручкой и клавишами. Насколько она помнила после посещения музея со своими племянницами, подобные инструменты использовались больше в Восточной Европе. Очевидно, Янус был поляком. Они словно вступили на территорию польской мафии – и тут она поняла, почему Снейдер хотел, чтобы с ними обязательно был Кржистов.

Словно в подтверждение ее мысли, по гравийной дорожке тут же подъехали два джипа с польскими номерами и с хрустом остановились между вертолетом и лестницей. Из машин выпрыгнули пятеро мужчин. Очевидно, часть людей, которые охраняли главные ворота.

В тот же момент из виллы вышел маленький широкоплечий мужчина в белом костюме. Красные лаковые туфли, красный платок в нагрудном кармане и красный галстук. *Без сомнений, это Янус.* За ним стояла высокая блондинка, чей цвет волос не совсем подходил к грубоватым восточноевропейским чертам лица, скорректированным операцией скулам и увеличенным губам. Обладательница спортивной фигуры – наверняка результат изнуряющих тренировок – и кожи завидного бронзового цвета была одета в элегантное желтое вечернее платье на тонких бретелях. С ее – навскидку – сорока пятью годами она была минимум лет на двадцать моложе Януса. Отсюда и оба сына-подростка.

– Что здесь, черт возьми, происходит, вашу мать?! – закричал Янус гортанным голосом.

Блондинка едва заметно вздрогнула. Кроме того, Сабина обратила внимание на ссадину под глазом, которую она загримировала косметикой. Любопытно, что у Януса на руке было несколько подходящих колец с острыми гранями.

Снейдер без комментариев показал свое удостоверение.

– Мартен Снейдер? – снова пророкотал Янус. – Какая честь. – Последнее прозвучало цинично.

Рот Януса был перекошен, словно после инсульта. Но затем Сабина разглядела, что под губами у него была заячья губа и, вероятно, искусственное нёбо – вероятно, поэтому он так гнусавил.

– Мартен С. Снейдер, – исправил его Снейдер.

Мужчина криво улыбнулся.

– Я думал, что вы меньше ростом. – Затем он ожег злобным взглядом обоих охранников, которых – по крайней мере, это так для него выглядело – разоружили две юные дамы чуть выше метра шестидесяти.

Взглянув на вертолет, Янус развел руками.

– У нас сегодня маленькая частная вечеринка в узком семейном кругу. Будь у вас даже ордер на обыск от верховного судьи – в чем я сомневаюсь, – почему бы мне сейчас же не переломать вам всем, включая пилота, ноги из-за нарушения неприкосновенности жилища?

Снейдер протянул ему распоряжение ван Нистельроя.

– Я...

Янус вырвал листок у него из руки, бросил на пол и плюнул на него. Затем его тон стал жестче.

– Что может помешать мне привязать вас, четырех уродов, к лошадям, чтобы те протаскивали кружок по земле?

Видимо, он не особо ладил с полицией.

Сабина услышала, как за спиной у них перезарядили винтовки, покосилась через плечо и обомлела. Вновь подошедшая охрана держала в руках не старые русские карабины, а современные армейские винтовки, которые, согласно закону о хранении оружия, подпадали под запрещенную военную технику.

Снейдер оставался спокоен и бросил Кржистофу требовательный взгляд. Но что тот мог устроить? Повалить пятерых парней?

Вместо этого Кржистоф развел руками и заговорил с Янусом по-польски. Сабина понимала только некоторые обрывки слов о польской армии, в которой раньше служил Кржистоф, о времени в Германии, когда он был наемным убийцей, и о том, как он был задействован в сфере наркотиков. Затем послышались названия Варшава, Бельский, Собибор и Налибокская пуща.

Собибор?

Насколько Сабина помнила, отец Кржистофа в молодости состоял в польско-еврейском движении сопротивления нацистам и был одним из тех, кому удалось сбежать из концентрационного лагеря Собибор.

Взгляд Януса светлел с каждой минутой, наконец оба обнялись и трижды поцеловались, будто были давними друзьями.

Сабина и Тина удивленно переглянулись.

– Пойдемте и будьте моими гостями, – наконец покровительственно произнес Янус и указал на столы. – Камила, – крикнул он своей жене и показал на террасу, – позаботься, чтобы здесь прибрали. И персонал должен все утяжелить, чтобы ничего не улетело, когда вертолет будет взлетать.

Сабина и Тина прислонили карабины к балюстраде. Затем они сели под зонтом от солнца за большой круглый стол. Седой дворецкий в черно-белом полосатом жилете и со слуховым аппаратом тут же принес кофейные чашки, стопки, стаканы и два графина с нежно-желтым напитком, в котором плавали дольки лимона и листья перечной мяты; то, что надо в такую жару.

Янус взглянул на свои наручные часы, массивный золотой «Брайтлинг» со множеством кнопок.

– У меня есть десять минут, потом мне нужно к сыновьям. Сегодня их праздник. Итак, как я могу вам помочь?

Снейдер немедленно перешел к делу.

– Боюсь, ваша жизнь в опасности. Возможно, кто-то планирует на вас покушение.

Янус громко рассмеялся и откинулся назад, так что его кипенно-белая рубашка натянулась на груди.

– Уже не в первый раз. Знаете, как часто я слышу о подобных попытках покушения? Но оглядитесь. Мы в абсолютной безопасности.

– Мы видели, – иронично заметила Сабина.

– Кто там может планировать покушение? – спросил Янус. – Тот, кто прилетит на вертолете, как вы, или вообще въедет на участок на танке?

Снейдер на секунду сжал губы.

– Вообще-то, мне должно быть безразлично, если такой *gotzak*¹¹, как вы, отдаст концы. Но, к сожалению, вы маленькая, но важная часть пазла в большой игре, а мне необходимо понять всю картину.

– Ну и что вы предлагаете? – спросил Янус.

– Отменить праздник и усилить меры безопасности.

– *Nie!*¹² – сказал Янус по-польски и решительно помотал головой.

Сабина вздохнула. Будет непросто спасти жизнь такому криминальному типу, как Янус.

¹¹ Мерзавец, негодяй (*нидерл.*).

¹² Нет! (*польск.*)

Глава 16

После того как Снейдер рассказал о деле, которое они расследовали – при этом, на взгляд Сабины, выдал слишком много информации, – Янус подпер кулаком подбородок и задумался.

– Монастырь Бруггталь в Верхней Австрии... – пробормотал он, потом пожал плечами. – Я слышал, что молодых девушек, которые вступали в орден урсулинок, передавали тогда платежеспособным клиентам, – ну, как все слышат, что происходит по ту сторону границы, – но я не имею к этому никакого отношения.

– А что вы еще слышали? – спросила Сабина.

Он сделал глоток эспresso, затем сунул в рот сигару.

– Ну, некоторые мои клиенты ездили тогда в этот монастырь. Там был отдельный флигель с помещениями, которые использовались для различных игр.

– Даже если правда, что вы никак с этим не связаны, – заметила Тина, – вы на удивление разговорчивы.

– Во-первых, срок давности изнасилований и тяжких сексуальных преступлений истекает спустя двадцать лет после того, как жертве исполнится тридцать. – Попыхивая сигарой, он пожал плечами. – А во-вторых, как уже сказано, я не имею к этому никакого отношения. В то время я был еще молод и занимался абсолютно другим бизнесом. Я построил его почти сорок лет назад, и за все это время прокуратура ни разу не смогла мне ничего предъявить. – Он удовлетворенно улыбнулся.

– А сегодня? – спросила Сабина.

– Сегодня я больше не связан с наркотиками, проституцией и торговлей людьми. Я счастливо женат, во второй раз – Камила была раньше в польской национальной команде по плаванию, – и у нас двое приличных сыновей, для которых я служу примером.

А между делом бьешь свою жену, – подумала Сабина, но не подала виду и указала на виллу.

– Чем вы сейчас зарабатываете, чтобы все это финансировать?

– Я вовремя продал биткойны.

Разумеется! Сегодня криптовалюта служила алиби каждому, кто вдруг начинал купаться в деньгах.

– Вы не могли бы составить для нас список тех, кто, как вы знаете, посещали монастырь урсулинок? – попросила Тина.

Янус усмехнулся.

– С датой рождения, номером телефона, местом жительства и номером социальной страховки?

Тина прикусила губу. По ее взгляду Сабина поняла, что она готова вцепиться Янусу в глотку.

– Что вам говорит имя Вернер Граймс? – спросил Снейдер, который последние минуты не участвовал в разговоре.

– Вернер? Я ду... – Янус тут же умолк и сжал губы.

Что? – спросила про себя Сабина. – Ты думал, его зовут Вальтер Граймс, верно? Ей понравилась изящная ловушка Снейдера.

– Без понятия, кто это, – быстро добавил Янус.

Но они все поняли, что он слышал имя Вальтера Граймса. И таким образом, стало ясно, что Янус знал о происходившем в монастыре больше, чем утверждал.

Когда Снейдер собрался задать следующий вопрос, через террасную дверь наружу вышел седой дворецкий:

– Мы готовы.

Янус снова посмотрел на часы.

– Десять минут моего драгоценного времени, которые я подарил вам, давно истекли. – Он поднялся, снял пиджак и передал своему дворецкому. Под рубашкой проступали его крепкие бицепсы. – К сожалению, вам нужно снова... – Неожиданно он застыл, задумался, потом его лицо просветлело. – Сколько у нас пейнтбольных маркеров?

– Шесть ружей с шарами трех разных цветов, – ответил старик.

Янус кивнул, потом посмотрел на Снейдера.

– Прежде чем начнется само празднование сегодня вечером, я подготовил небольшой сюрприз для моих мальчиков. Мы будем играть в пейнтбол в лесу.

Как здорово, – со скучающим видом подумала Сабина.

Янус указал на ближайшую опушку леса.

– Мои люди подготовили паркур для пейнтбола, с ямами, хижинами, холмами и препятствиями. Вообще, я хотел провести время до ужина со своими мальчишками и двумя работниками, но раз вы уже здесь...

– Что? – Снейдер нахмурил брови и выпрямился.

– ...я предлагаю вам и вашим людям присоединиться к нашему небольшому пейнтбольному матчу. – Неожиданно Янус воодушевился. – Для моих сыновей это был бы интересный опыт выступить с маркером против вас и двух опытных комиссаров БКА.

Тело Сабины одеревенело. *Что за собачья чушь?*

Снейдер, наоборот, снисходительно улыбнулся.

– Я точно не собираюсь бегать по лесу в комбинезоне с пластиковым ружьем и стрелять в двух подростков шарами с краской. – Он посмотрел на Кржистофа: – А ты будешь играть?

– Я? Ты рехнулся? – Кржистоф, усмехнувшись, помотал головой. – Абсолютно точно нет.

Янус потер руки.

– Почему нет?

– Маркеры для пейнтбола подпадают под закон об оружии, а я на свободе под залог, – ответил Кржистоф.

Янус покровительственно развел руками.

– Но мы же тут все свои.

– Ну... – пробурчал Кржистоф, – может случиться так, что в состоянии аффекта я сломаю обоим парням руку и забью им приклад оружия в горло, если они позволят себе лишнее.

– Понимаю. – Янус разочарованно посмотрел на него, затем обратился к Сабине и Тине: – А с вами что?

– Вы серьезно? – Тина отодвинула свою кожаную куртку в сторону и показала кобуру на поясе, в которой торчал «ЗИГ Зауэр». – Мы из БКА и беремся за оружие не ради развлечения. А если беремся, то раним человека или даже убиваем.

Янус указал на Тину.

– Леди, вы мне нравитесь. Это правильный подход. – Он широко улыбнулся. – Вы обе участвуете в игре. Вам известны правила?

– Тот, кого задел шар с краской, считается «убитым», поднимает руку и покидает территорию, – ответила ошеломленная Тина. – Но все равно я не...

– Отлично! – перебил ее Янус. – Покажите моим ребятам, на что способны следователи БКА во время тактических операций. Пока я переодеваюсь, вам выдадут костюмы, защитные шлемы, протекторы, маркеры и шары-патроны. – Он щелчком пальцев дал распоряжение действовать своему седому дворецкому и через террасную дверь исчез внутри виллы.

Сабина бросила на Снейдера взбешенный взгляд.

– Я не буду устраивать из себя посмешище, – прошипела она. – К тому же у нас мало времени, все-таки сегодня умрет жертва номер два, а должна тут...

– Немез, – прошептал он. – Вы и Мартинелли пойдете с Янусом в лес. По трем причинам. – Он поднял руку. – Во-первых: вы защищаете жизнь Януса, пока я и Кржистоф будем искать на участке уязвимые места в системе безопасности.

– Осел всегда называет себя первым, – поставил его на место Кржистоф.

– Что? – Снейдер раздраженно посмотрел на него.

– Нужно говорить «Кржистоф и я».

– Умничай с другими, но только не со мной, – огрызнулся Снейдер, затем снова обратился к Сабине: – Во-вторых: разговорите Януса и выясните как можно больше о монастыре, потому что он сто процентов не сказал правду.

– А в-третьих?

Снейдер заулыбался.

– Не опозорьте меня и хорошенько надавайте по заднице обоим его соплякам.

Через десять минут Сабина и Тина получили от дворецкого свои костюмы: огромные ярко-оранжевые комбинезоны. Переодевшись в одной из многочисленных комнат виллы, они снова вышли на террасу, где у балюстрады их уже с нетерпением ждали оба подростка.

Высокие, светловолосые и с веснушками; очень симпатичные парни. Видимо, отец уже объяснил им, в чем дело. Потому что пятнадцатилетний Лукаш послушно протянул им руку. Как и Бартош, который, в отличие от младшего брата, в свои семнадцать хотел показаться крутым и краем глаза постоянно косился на Тину.

Оба парня были в зеленых камуфляжных комбинезонах со множеством протекторов из пластика.

– Отлично, – проворчала Тина. – В нашей одежде мы будем у всех на виду, как две курицы на блюде.

– Да ладно тебе. – Сабина толкнула ее локтем в бок. – Будет очень весело.

– Ага, обхохочемся, – буркнула Тина.

В отличие от парней они с Тиной отказались от наколенников и налокотников, потому что так им было легче передвигаться, и надели только протекторы для спины и груди.

Затем они получили шлемы с защитной маской и желтые запасные магазины. Пейнтбольные шары с краской состояли из желатиновой оболочки, которая была наполнена пищевым красителем. Когда шар ударялся о препятствие, он разрывался и оставлял цветное пятно. В этом случае игрок считался убитым и выбывал из игры, не важно, в какую часть тела попал шар.

В конце дворецкий Януса принес маркеры. Сабина сразу вспомнила время в Академии БКА, когда они с оружием и холостыми патронами отрабатывали постановочные сценарии от освобождения заложников до перевозки задержанных преступников. Только сейчас было забавнее. К тому же в ее с Тиной случае «оружием» служил помповый маркер и ружье нужно было муторно перезаряжать после каждого выстрела.

А вот Лукаш и Бартош держали в руках полуавтоматические ружья, в которых после каждого нажатия на спусковой крючок следующий шар с краской подавался автоматически. К тому же парни использовали баллоны со сжатым воздухом высокого давления, которые своими трехстами барами ускоряли шары с краской и тем самым увеличивали дальность стрельбы, в отличие от оружия Сабины.

– У наших жалких пушек только двести бар, – ныла Тина. – Ими даже белку с дерева не сбить.

Да, это была мерзкая подстава.

Сабина понизила голос:

– Как только окажемся в лесу, нужно будет отобрать у парней ружья и заменить на наши.

– Или снимем с них баллоны со сжатым воздухом, – прошептала Тина и прикрепила фидер¹³ на свой маркер. – Готовы, – громко сказала она, улыбаясь.

¹³ Емкость для шаров.

Глава 17

Снейдер стоял у балюстрады и смотрел вслед джипу с Янусом, его обоими сыновьями, Немез и Мартинелли, который, подпрыгивая на ухабистой дороге, двигался вглубь леса.

Затем он удостоверился, что их никто не слышит, и взглянул на Кржистофа.

– О чем ты до этого говорил с Янусом по-польски? – Некоторые обрывки фраз были понятны, но Янус выдавал свои ответы со скоростью пулемета, поэтому общий смысл он не уловил.

Кржистоф допил уже остывшие остатки кофе из чашек Мартинелли и Немез, пропустил рюмку шнапса и вытер рукой губы.

– Ты и правда ничем не брезгуешь, – заметил Снейдер.

– Жалко выбрасывать – к тому же холодный капучино улучшает внешний вид. Поэтому вообще-то тебе следовало его выпить.

– Очень смешно! Так о чем вы говорили?

Кржистоф сунул в рот сигарету.

– Я рассказал ему о прошлом моего отца.

– Это я понял, – перебил его Снейдер. – Но что *он* сказал?

Кржистоф выпустил изо рта кольцо дыма.

– Его отец одиннадцатилетним мальчиком тоже был в концентрационном лагере. В Треблинке. Он еще жив, ему восемьдесят пять, но с Янусом они уже несколько лет практически не общаются. Он даже не отреагировал на приглашение на день рождения своих внуков. Хотя живет всего в нескольких километрах, на другом конце участка, совсем один в своем доме и...

Снейдер заставил его замолчать, подняв руку, и задумался. Что там еще сказал Янус?

«В то время я был еще молод и занимался абсолютно другим бизнесом. Я построил его почти сорок лет назад».

Почти сорок лет назад! Значит, это может быть и тридцать восемь или тридцать девять лет назад. Школа-интернат сестер-урсулинок, где имели место случаи сексуального насилия, лишь до конца семидесятых была пристанищем для одиноких молодых женщин. Если Янус не солгал, то он действительно еще не мог быть с этим связан.

Неужели они ошиблись и все это время шли по ложному следу?

– Выражение твоего лица заставляет меня нервничать, – выдавил Кржистоф.

Снейдер огляделся и, подзывая к себе, махнул седому дворецкому, который складывал салфетки на другом конце террасы.

– Когда Янус начал возить женщин из Восточной Европы в Германию? И когда вошел в проституционный и наркобизнес?

Дворецкий поправил слуховой аппарат.

– Боюсь, у меня нет полномочий...

– Послушайте! – перебил его Снейдер. – Я же хочу помочь Янусу! Итак!

Мужчина выглядел достаточно старым, чтобы это знать, потому что, вероятно, и сам еще застал то время. Он нахмурил лоб, подумал и посчитал на пальцах.

– Я бы сказал, тридцать семь лет назад.

– А кто занимался делами до этого?

– О, – его глаза загорелись. – Отец Януса.

– С какого года?

– С... – мужчина подумал, – с семьдесят второго.

Вот дьявол! На самом деле целью был отец Януса.

– Где он сейчас? В своем доме на этом участке?

– Вероятно. – Дворецкий кивнул в сторону леса. – Это на другом конце земельного владения. Правда, мы уже несколько дней его не видели и не слышали.

Кржистоф затушил сигарету в пепельнице.

– Вы можете отвезти нас к этому дому?

Ошарашенный старик огляделся.

– Да, конечно.

– Охранники будут нам препятствовать? – спросил Снейдер.

– Нет, но путь неблизкий.

Снейдер посмотрел поверх балюстрады на лужайку.

– Тогда поедem на этом джипе.

Глава 18

Шар с голубой краской разорвался о шлем Сабины, и брызги полетели во все стороны. Под жестким пластиком от удара глухо загудело. Рядом с ней бежала Тина, пригибая голову Януса и подгоняя его. Их целью была вышка на другом конце участка, там они будут в безопасности. Но нападающие действовали хитро, они хотели сначала нейтрализовать Сабину и Тину, чтобы затем спокойно взяться за Януса.

Save the President¹⁴ – так называлась операция, в которую они ввязались и в которой Янус изображал американского президента, а Тина и Сабина были его телохранителями. Парни действовали как русские наемные убийцы, и, хотя они немного изменили правила игры и игрок «умирал» только после трех попаданий, США могли скоро потерять главу своего государства.

Какой бред!

За это Сабина ненавидела Снейдера. Вообще-то они должны были охранять Януса как возможную жертву покушения, а вместо этого бегали с ним по лесу.

В нескольких метрах перед собой она увидела овраг, в который прыгнула, и, тяжело дыша, прислонилась к спасительному склону. Тина и Янус упали рядом.

– Ну как? Весело? – крикнула Тина.

– Мое сердце долго не выдержит, – пропыхтел Янус.

– Мы можем прекратить в любой момент, – предложила ему Сабина.

– Да мы же только начали. – Янус привычным жестом хотел стереть пот с лица, но лишь размазал перчаткой грязь по визиру. – Вот черт! – Он выругался. – К тому же мы играем в это каждый год.

– Каждый год? – переспросила Сабина.

– Старая традиция в день рождения моих сыновей, с тех пор как Лукашу исполнилось десять.

Ну отлично! Сумасшедшая семейка.

Сабина подняла голову, чтобы прозондировать обстановку, и тут в ее шлем прилетел еще один шар с краской. *Третье попадание!* Жидкость брызнула через отверстия для дыхания ей в лицо, и Сабина ощутила горький вкус пищевого красителя.

Дьяволицина!

Она подняла руку с ружьем – знак того, что «убита», чтобы безопасно покинуть территорию, как того требовали правила. Но парни принялись всю палить по ней – по рукам, плечам и даже между нагрудными и наспинными протекторами.

– Хватит, придурки! – крикнула Сабина. – Я убита!

Град из пейнтбольных шаров прекратился; знатные у нее будут синяки.

Она попыталась выбраться из оврага, но соскользнула и скатилась вниз. *Идиотская игра!*

Тут Янус снял шлем с головы, начал ловить воздух ртом и вытер пот со лба.

– Вы с ума сошли? – закричала Тина. – Немедленно наденьте шлем!

– Да, только передохну, – задыхаясь, ответил он.

– Нет, сейчас! – приказала Сабина. – Если пейнтбол неудачно прилетит вам в глаз, вы ослепнете!

– В чем дело? – крикнул кто-то из парней. – Я думал, ты, капиталистическая шлюха, убита. Выходи!

Какие милые мальчики!

– Тайм-аут! – прокричала Сабина.

Она опустилась рядом с Янусом.

¹⁴ Спасти президента (англ.).

– Вы ведь знаете Вальтера Граймса, не так ли?

– Я боялся, что вы это заметили. Да, Снейдер меня провел, – вздохнул он. – Но я незнаком с Граймсом лично.

– А как? – уточнила Тина.

– Ну что с вами? – выкрикнул второй подросток. – Сдаются?

– Временное прекращение огня, сопляк! – крикнула Тина, потом взглянула на Януса.

– Мой отец его знал, он раньше вел дела с Граймсом – я был слишком молод для этого.

– Ваш отец? – Тут Сабина догадалась. – Где?..

В этот момент Янус поднялся и распрямился.

– Вниз! – Мартинелли попыталась нагнуть его к земле.

Тут раздался выстрел. Но на этот раз глухой звук долетел с другой стороны.

Это вообще был пейнтбол?

Сабина обернулась. И в следующий момент увидела через испачканное стекло, как Янусу попали в затылок, он вскрикнул и упал, вытянувшись во всю длину.

Глава 19

Кржистоф вел джип по ухабистой лесной дороге, а седой дворецкий подпрыгивал рядом на пассажирском сиденье и указывал ему путь через чащу.

Снейдер расположился на заднем сиденье и разговаривал по телефону. Сначала с земельным управлением уголовной полиции в Мюнхене, чтобы оно при необходимости быстро направило группу спецназа в Бах-ан-дер-Донау, а затем со службой скорой помощи, чтобы на всякий случай прислали машину с врачом. В обоих случаях Снейдер указал GPS-координаты их актуального месторасположения.

– Туда, на лесную тропу с корнями. – Старик вцепился в ручку над дверью, потому что машину стало прилично трясти.

Снейдер вытащил «глок» из кобуры, проверил магазин и оттянул затвор, чтобы первый патрон попал в зарядную камеру. Затем снова засунул пистолет в кобуру. Интуиция подсказывала ему, что они шли по правильному следу. Он взглянул на часы. Было половина пятого. Если монашка нацелилась на этого мужчину, возможно, он уже был мертв.

Лес перед ними поредел. Солнце висело над верхушками деревьев, и Снейдер приставил руку козырьком ко лбу, чтобы защититься от яркого света. Впереди он разглядел очертания L-образного бунгало. По краям поляны росли маленькие кипарисы, а рядом с домом располагался бассейн. Значит, вот она, резиденция старика Януса. Идиллическое место, немного в духе Тосканы.

Кржистоф, хрустнув шинами, остановил джип перед входной дверью в бунгало. Выбравшись из машины, они тут же были атакованы полчищами комаров.

– У вас есть ключ от дома? – крикнул Снейдер, подбегая к двери.

– Нет. Ни у кого из нас нет ключа. Только у его кухарки и уборщицы. Они приходят через день. Он живет здесь очень уединенно – сам так захотел.

– Не знаете, у него в доме есть оружие?

– О, наверняка. Но сомневаюсь, что со своей хронической подагрой он еще в состоянии стрелять.

Снейдер подошел к двери. Та была заперта, но он заметил царапины рядом с массивным замком. Похоже, какой-то дилетант возился тут с отмычкой. Теоретически, это могло произойти несколько месяцев или лет назад, но тогда Янус наверняка сменил бы замок. А значит, царапины были свежие.

– Ты можешь открыть дверь? – крикнул Снейдер.

Кржистоф подошел и прислонился к стене дома.

– Без инструментов? – Он помотал головой. Затем отступил на шаг назад, размахнулся и хотел уже выбить дверь ногой, но Снейдер его остановил.

– Забудь! Ты только сломаешь себе лодыжку. – Он посмотрел на окна рядом с входной дверью. Хотя на каждом крепилась москитная сетка, все окна были закрыты, несмотря на жару.

– Мне позвонить с мобильного на домашний номер? – предложил дворецкий.

Снейдер отмахнулся.

– Поздно. В этом доме уже нет никого живого. Отойдите! – Он прицелился из пистолета в замок и дважды выстрелил. Пули раздолбили деревянную раму и выбили засов. Одна рикошетом со свистом отлетела в сторону.

Снейдер огляделся.

– Кто-нибудь ранен?

Кржистоф и дворецкий ответили отрицательно.

– А вот теперь можешь выбить дверь.

Кржистоф занес ногу и со всей силы ударил по двери, так что она распахнулась внутрь и ударилась о комод.

В доме было темно. Было слышно жужжание многочисленных мух.

Плохой знак.

Снейдер отправил заготовленное сообщение на номер уголовной полиции Мюнхена: *«Выезд на участок!»* Затем прошел внутрь, Кржистоф и дворецкий последовали за ним.

Глава 20

– Перемирие! – крикнула Сабина. – У нас раненый.

Шар с краской разорвался о затылок Януса, и Тина, защищая, накрыла его собой.

Янус лежал лицом на земле. Волосы у него на затылке склеились. Рваная рана, в которой кровь смешалась с красной краской, выглядела ужасной и глубокой.

В таком состоянии они ни в коем случае не могли надеть на него шлем.

Тина сняла перчатки и проверил пульс на шее Януса.

– Вы в порядке?

– Да, – простонал он. – Который из двух мерзавцев это сделал?

– Это были не ваши сыновья. – Сабина посмотрела в направлении, из которого стреляли. – На участке находится кто-то еще, кроме нас.

– Это невозможно. – Янус хотел снова подняться. – Они знают, что мы...

– Оставайтесь внизу! – приказала Сабина и снова пригнула его к земле. – Мы используем желтые пейнтболы, ваши парни – синие. А в вас попали красным шаром.

– Но кто это мог быть?

– Кто-то, кто схватил шестой маркер или принес свой собственный.

– Когда продолжим? – выкрикнул один из сыновей.

– Игра окончена, у нас раненый! – крикнула Сабина. – Оставайтесь на месте. – Она достала мобильный и набрала номер скорой помощи. Им был срочно необходим врач. Возможно, у Януса не только рваная рана и сотрясение головного мозга, но и отравление химическим составом краски.

– Черт, телефон не ловит.

Тина уставилась на экран своего телефона.

– У меня тоже.

Вдруг сверху на них упала тень. Сабина тут же направила вверх ствол маркера.

– Хо-хо! – вскрикнул Лукаш и, защищаясь, поднял руки.

– Я сказала, чтобы вы оставались в прикрытии, – прошипела Сабина.

– Что с отцом?

Сабина стянула перчатки, сорвала с головы шлем и сплюнула пищевой краситель от последнего попадания. Затем расстегнула липучки своих протекторов.

– Наденьте на вашего отца шлем, только осторожно, и отведите его к джипу. Умеете на нем ездить?

Бартош кивнул.

– Хорошо, отвезите его на виллу, продезинфицируйте рану и вызовите скорую помощь.

Тина тоже сняла шлем и протекторы, но застыла, когда два выстрела вдалеке разорвали тишину.

Что это было, черт возьми?

На этот раз стреляли из настоящего пистолета – и совсем в другой стороне.

– Я останусь с Янусом и позабочусь обо всем, – быстро решила Тина.

Сабина кивнула. Они одновременно вытащили служебное оружие.

– Ого, они настоящие? – воскликнул Лукаш.

– Можешь не сомневаться. – Сабина выбралась из оврага и побежала в ту сторону, откуда прилетел красный пейнтбол.

Глава 21

Некоторые оконные ставни в бунгало были закрыты. Когда глаза Снейдера привыкли к темноте, он увидел, что на ковре в гостиной лежали два человека. Неподвижные, завернутые в большие желтые мешки для мусора и крепко связанные.

Когда Кржистоф опустился на корточки рядом с мешками, в воздух поднялся рой мух и стал кружить вокруг него. Карманным ножом он разрезал один из мешков. Тут же, как под высоким давлением, из него вышел жуткий запах гнили и разложения.

Кржистоф отвернулся.

– Оставь второй мешок закрытым. – Снейдер разглядывал оба трупа. Первый был определенно женский, во втором, еще закрытом мешке, тоже была женщина. Несмотря на раздутое тело, Снейдер заключил это по длинным черным волосам. *Кухарка и уборщица*. Судя по состоянию тел, они лежали здесь уже минимум три дня.

– О господи, о господи! – причитал дворецкий.

– Никто не заметил, что женщины пропали? – спросил Снейдер.

– Это неле... мигранты из Филиппин, – сказал дворецкий.

– *Были*. Выйдите и ни к чему не прикасайтесь, – распорядился Снейдер. – Скорая помощь и спецназ мюнхенской уголовной полиции уже на пути сюда. С этой стороны участка есть подъездная дорога?

– Да, – выдавил мужчина.

– Поезжайте туда, откройте ворота и сопроводите сюда врача и полицейских. И скажите коллегам, что нам нужна криминалистическая экспертиза.

– О господи!

– Давайте идите!

Тем временем Кржистоф осматривался в доме.

– В остальных комнатах чисто, никаких следов старика. – Он топнул ногой по полу в прихожей. Услышав глухой звук, Кржистоф сразу отодвинул ковер в сторону и обнаружил под ним откидной деревянный люк. – В этой хижине есть подвал.

– Давай на него взглянем. – Снейдер подошел, потянул за металлическую ручку, и вместе им удалось поднять крышку.

Вниз вела широкая деревянная лестница. Подвал освещался странным красно-голубым светом нескольких светодиодных ламп. На этот раз трупного запаха не чувствовалось. Правда, в воздухе висела тропическая влажность, от которой у Снейдера сам собой выступил пот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.